

ЖЕНЯ
Громова

ЛЯЛЯ
ИЩЕП МАМУ

Женя Громова
Ляля ищет маму

«Литнет»

2025

Громова Ж.

Ляля ищет маму / Ж. Громова — «Литнет», 2025

— Я всё отработаю! Хоть курьером пойду!.. — Четыре ляма? Собралась пищу до пенсии развозить? — с усмешкой выдал он, а взгляд при этом хищный. На поражение. Я сглотнула. — Детей любишь? — И голос его — низкий, с хрипотцой. — Д-да... — Вещи собирай. Поедешь со мной. Я задолжала очень опасному мужчине целое состояние. И всё бы ничего: Он искал няню. Я — работу. Но Ляля...#властныйгерой #ВлиятельныйБоссВсе книги литмоба “Папа может все”:Первая книга цикла о запретных связях (однотомники) :

Содержание

Глава 1. Восемнадцать плюс	5
Глава 2. Два в одном	9
Глава 3. Обед с пристрастием	12
Глава 4. Проверка	15
Глава 5. Плохая девочка	18
Глава 6. Без права выбора	20
Глава 7. Саша	23
Глава 8. Демьян	26
Глава 9. Пункты и пульта	29
Глава 10. Красная Шапочка и бабушка с Кавказа	32
Глава 11. Утро с приветом	36
Глава 12. Варёнка	40
Глава 13. Шоппинг	43
Глава 14. Не стоило...	47
Глава 15. Китайская кухня	51
Глава 16. Бардак вселенского масштаба	55
Ляля	60
Глава 17. Прокручивай	63
Глава 18. Винтики и портфели	66
Саша	69
Глава 19. Катастрофа	72
Демьян	75
Глава 20. Решил проблему	78
Глава 21. Мама	81
Глава 22. Первое сентября	84
Глава 23. Жена, няня, ассистентка?	87
Глава 24. Моя Александра	89
Глава 25. Кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает	93
Демьян в кабинете	96
Глава 26. Мама	99
Глава 27. Семейный ужин...	101
Глава 28. Профессор	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Глава 1. Восемнадцать плюс

Саша

— Он властно прижал меня к себе. Его ладонь медленно ласкала мою...

— Ё-мое...

Дверь в студию резко распахнулась, я аж вздрогнула.

На пороге стоял мужчина.

Высокий. Широкоплечий. И... опасный. Словно вышел прямо из той книги, которую я сейчас озвучивала.

Чёрный костюм, белая рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу... Бровь со шрамом. И это хмурое выражение лица — как у альфа-самца, который не привык к отказам.

И взгляд соответствующий — хищный.

— Вы мешаете работе, — пробормотала я, чувствуя, как голос предательски дрожит.

Я. Актриса дубляжа. Потеряла дар речи.

Он провёл по мне взглядом — медленно, слишком внимательно — так, что захотелось прикрыться, хотя платье на мне было максимально целомудренное — длинное, без выреза, всё закрытое, и даже не сильно узкое. А под его взглядом ощущение, будто я только в белье. В самом развратном комплекте!

— Перерыв, — сказал он.

Голос.

Чёрт.

Вот это голос! Бархатный, с хрипотцой, до мурашек!

Тоже актёр дубляжа, не иначе! Таким голосом только горячие книжки озвучивать, честное слово! Хотя даже если он прочтёт налоговый кодекс — продажи взлетят.

— Э-э...

Да что же это, как научиться говорить обратно?

— Пе-ре-рыв у вас, — сказал он мне, как дуре, — пока я здесь, книги восемнадцать плюс не читаем.

— А вам нет восемнадцати? — брякнула я.

Но он только усмехнулся.

— Что там было дальше? — спросил, посмотрев на планшет с текстом, что стоял передо мной.

— В книге?

Он серьёзно кивнул.

— Так она... Она простонала его имя... — выдохнула я.

— Прямо простонала? — спросил он, а у самого глаза смеются. — Как это?

— Предлагаете, чтобы я про... простонала?

Он усмехнулся.

— Не в этот раз.

И ушёл.

А я стояла, красная до кончиков волос. А волосы у меня длинные, если что. Это много красноты!

Это я только на работе книжки такие откровенные озвучиваю, а в жизни у меня опыт более чем скромный.

— Серёж! — зашипела я в микрофон. — Это что за хмырь?!

— Саш, ты бы это...

— Этот хмырь, Сашенька, твой работодатель, — раздался в моих наушниках тот самый голос.

Я едва не уронила микрофон.

Ох как пробирает голос-то!

Я зажмурилась.

Ну надо же было так вляпаться!

— Я на обед! — быстро протарабанила и в панике сняла наушники, чтобы не вляпаться ещё больше.

Отсижусь в столовке, пока не уедет, а потом тихонько продолжу работать. Книжки Жени Громовой озвучивать.

Но только я собрала свои нехитрые пожитки: стакан тёплой воды, таблетки для горла, носовые платочки... Как в мою студию ворвался новый гость!

Ну прямо можно точку общепита открывать — не студия, а проходной двор!

На этот раз — малышка лет семи, похожая на маленькое розовое облачко. Или скорее на розовый ураган.

— Смотри какой рисунок! — она протянула мне картинку с каракулями, и я тут же присела на корточки, чтобы оказаться с девочкой на уровне глаз.

— Ммм... красота какая! Это торт? — спросила я, умиляясь рисунку четырёхэтажного кондитерского чуда, искрящегося блёстками.

— Ага! Тут мама, тут Горыныч, — она ткнула в фигурки жениха и невесты на вершине. — А здесь я!

“Я” оказалось маленьким человечком, нарисованным в углу страницы. Человечком, который этот торт видимо собирался залопать.

— Как твою маму зовут?

— Пока не знаю!

Неожиданный ответ...

— А папу зовут Горыныч? — переспросила я, смотря на девочку внимательнее.

Красивая-я-я-я... слов нет! И такая милая, что затискать хочется.

— Нет. Это дядя.

Малышка указала на ту самую дверь, за которой недавно исчез мистер «перерыв».

Неужели тот матёрый хищник с голосом, от которого мурашки по всему телу в страхе разбегаются, это и есть её дядя?

— Он ушёл вопросы решать! — нажаловалась девочка. — А я есть хочу.

— Ах вот оно что... — протянула я. — Ну пошли искать твоего Горыныча.

— Лучше пошли искать еду! Я после балета ни-че-го ещё не ела. Дядя Боря в машине запрещает кушать.

Это Горыныч что ли дядя Боря?.. Ух не успеваю я переваривать информацию.

— Так ты балерина? Какая прелесть, — снова умилилась я, не умиляться этому чуду невозможно!

— Голодная балерина! — заявила девочка, и я засмеялась. — Тебя как зовут?

— Саша, — ответила я.

— А я Ляля!

— У тебя красивое имя.

— Ляля Горыновна! — гордо заявила малышка.

Так я и не поняла, что там за родственные связи у неё с Горынычем, почему Горыновна если Горыныч это дядя? И чей это всё-таки ребёнок?

Я взяла её за руку — ледяная! Да что ж тут с отоплением...

Сто раз уже просила руководство, чтобы принесли обогреватель, но им не до этого, а хозяин студии здесь и не появлялся никогда... До сегодняшнего дня.

— Ты, наверное, Снежная Королева, — серьёзно сказала Ляля.

— И мне, значит, нашлось место в твоём волшебном царстве, — усмехнулась я. — Почему это я Снежная Королева?

— Потому что живёшь в ледяном замке и волосы у тебя белые и длинные и ты красивая.

— Аргумент!

Мы направились к кабинету звукорежиссёра, но у двери я притормозила, потому что за ней кто-то ругался.

— Я тебя здесь посадил, чтобы ты мне сроки срывал? Почему режиссёр сериала звонит мне и говорит, что моя студия закрыта в часы работы? Мне что заняться нечем, кроме как выяснять, почему у тебя здесь рабочий процесс не отлажен?

Я тут же развернула девочку в другую сторону.

— В столовой подождём, заодно еды поищем.

Незачем ребёнку слушать, как взрослые ругаются.

— Злится, — вздохнула Ляля.

Но он по делу злился.

В этой студии действительно в последнее время было совсем не рабочее настроение — холодно, темно, аппаратура лагает... А позавчера я пришла к назначенному времени записи и прождала звукорежиссёра аж полтора часа. Может и хорошо, что этот Горыныч как следует нарычит на Серёжу. Лампочки вот в коридоре заменят наконец.

Мы прошли в маленькую столовую и Ляля сразу же уселась в кресло.

— Гречку с курицей будешь? — спросила я, заглядывая в холодильник и доставая запечатанный контейнер, который предполагался как мой обед.

— С соусом? — прищурилась маленькая розовая катастрофа.

— Разумеется, — уверенно ответила я.

— Буду!

Я с улыбкой стала распечатывать еду и под безостановочный щебет девочки про какие-то па в балете, греть курицу в микроволновке.

Устроила обед за кофейным столиком и уселась рядом. И кофту свою на девочку накинула — дубак нереальный.

Эх, надеюсь, её папаша или дядя или в общем вся эта сказочная семья не будет злиться на мою самостоятельность... Ну а что, оставлять ребёнка голодным и холодным?

— Расскажи сказку? — попросила она, пока жевала мой обед, на который я тоже смотрела голодными глазами.

— У этой девушки все сказки восемнадцать плюс, ты до них ещё не доросла.

Я вздрогнула.

Он снова здесь.

И снова заполнил собой всю комнату, слишком маленькую для его опасной харизмы.

— Я много сказок знаю, — попыталась я возразить. — Озвучила целый сборник.

— Там Баба Яга содержала гарем леших? — спросил он, опускаясь в кресло.

Какой же brutalный мачо!..

А рядом маленькое розовое чудо с куриной ножкой в руке. Вот это компания!

А ну и я...

— А что такое гарем? — тут же спросила малышка.

Я снова покраснела.

— Это непростая ситуация, когда одна женщина содержит целую толпу мужчин, — сказал Горыныч, ничуть не смутившись, привык наверное на неудобные вопросы отвечать.

— Как это так? — нахмурилась Ляля.

— Неправильно. Да вот бывает. Правда в основном в книжках. Восемнадцать плюс.

Я беззвучно засмеялась.

— Так вы и есть Горыныч?

Весело мне было, пока наши взгляды не встретились. Улыбаться сразу расхотелось.
Он медленно перевёл взгляд на Лялю:

— Сколько раз тебе говорить, не называй меня так.

Ляля жевала мою курочку и возразить не могла, а я просто возразить не могла. Особенно, когда в комнату вошло ещё двое мужчин. Все массивные, хмурые.

Я попятилась к девочке, чтобы если что прикрыть её телом — мало ли что за бандиты, оборудование-то дорогое в студии...

— Как тебя зовут? — обратился ко мне Горыныч сбоку.

— Са...

— Снежная королева! — громко сказала Ляля.

— Саша, — всё же ответила я.

— Давно здесь работаешь, королева Саша?

— Давно.

— Только здесь или в других наших студиях тоже?

— И тут, и там, много где успела поработать...

Громили молча стояли у порога. Это его охрана что ли?.. Да зачем такому мужчине и охрана?.. Ничего не пойму.

— С нами поедешь, у нас сегодня проверка аудиостудий, — сказал он, будто это дело решённое. — Ляля, собирайся.

— Но я не доела!

— В ресторан заедем. Выберешь, что захочешь.

Девочка заулыбалась и отставила контейнер.

И Горыныч, Ляля в моей кофте и два мужика направились к выходу из столовой.

А я застыла на месте.

Уже в дверях Горыныч развернулся и приподнял бровь.

— Королевам особое приглашение требуется?

Он задержал взгляд на моих губах и прищурился.

— Так я сейчас выпишу.

И что прикажете делать?!

Глава 2. Два в одном

Демьян

Я услышал этот голос — и застыл.

Он врезался прямо в грудную клетку, а потом прокатился ниже по телу, вызывая нехорошее напряжение в штанах.

Как она это читала...

Хриловато, медленно, капля за каплей.

Вот же пробрало!..

Нет. Наверняка зайду — а там женщина лет под пятьдесят с короткой стрижкой, в шерстяном свитере и с голосом, натренированным с юности.

Ну сто процентов.

Но проверить надо!

Резко распахнул дверь — и завис.

Тонкая. Нежная. Растерянная.

Большие глаза, светлые длинные волосы, и голос... Тот самый.

Вот ты где, моя личная катастрофа.

На долю секунды перед глазами вспыхнула сцена: я вдавливаю её в сиденье машины, платье — ключьями, и голос этот, только без микрофона — только для меня.

В этот момент я уже понял — моей будет, вот прям сегодня. Правда сегодня дел много запланировано... значит, на днях!

Ух какая. Охренел от собственных фантазий, споткнулся о какой-то провод в коридоре и выругался. Смачно выругался, да что здесь с лампочками! Не студия, а бомбоубежище!

Я же деньги выделял! Придётся выяснить на что они были потрачены.

Серёжу, звукорежиссёра, разнёс в режиме нон-стоп.

— Повышения хочешь? — уточнил в конце.

Мужик неуверенно кивнул, не ожидал, что после такого разноса услышит нечто подобное.

— Через неделю приеду, порядок наведёшь — останешься здесь главным.

— А если не смогу? — спросил тот неуверенно.

— Лучше смоги, — сказал я, глядя в глаза.

Он всё понял, подобрался сразу.

Когда вышел из режиссёрской, то увидел её. Мою будущую...

Сидит в столовке. С Лялей.

Так. Стоп.

Тут меня переклинило.

Секс — это секс.

А семья — это семья.

Я никогда одно в с другим не смешивал и начинать не собирался, но сейчас засомневался.

Когда парни зашли, а она — инстинктивно — прикрыла Лялю собой...

Что-то в груди дрогнуло.

Чёрт бы тебя побрал, Королева Снежная....

— С нами поедешь, у нас сегодня проверка аудиостудий, — отрезал я, прикидывая, как бы отсадить её в отдельную тачку.

Лялю — к водителю, ей на занятия пора. А Сашу — со мной в джип. Ей тоже пора. Ко мне.

— Но я не доела, — возмутилась Ляля.

Я посмотрел — реально, жуёт гречку из контейнера. Где взяла? Королева выдала? Заботливая какая...

— В ресторан заедем. Выберешь, что захочешь.

Повернулся уходить — и чувствую этот взгляд в спину.

Стоит, упрямая.

— Королевам особое приглашение требуется? — кинул я. А губы какие сочные... — Так я сейчас выпишу.

— Я не закончила работу, — упрямо сказала вредная девчонка.

Да закончила ты. Упертая. Скоро точно кончишь.

Сколько ей? Где-то двадцать с копейками, судя по глазам. Не больше.

— Уверена? — спросил, прищурившись.

Она кивнула.

Ну ладно. Не хочешь — не надо.

У меня с женским полом никогда проблем не было. Не одна, так другая. Но сегодня точно надо будет с кем-то встретиться.

Стал перебирать в голове претенденток, а в мыслях снова Королева эта вкусная.

Такая светлая, чистая, будто совсем невинная. Принцесса, а не королева. С глазами своими большущими и эмоциями искренними... Давненько же я таких женщин не встречал!

Или играет? Актриса же...

Вышел в коридор, пошёл мимо этого Серёжи недоделанного. Бросил на него уничижительный взгляд. И поймал себя на мысли, что не хочется мне эту снежинку здесь с ним оставлять. Почему-то представил, как он лапает её своими сальными руками, гундит ей в ухо....

— Нет, бл... Я передумал. Ты уволен, никакого второго шанса. Миша, Толя, проследите, чтобы Сергей собрал личные вещи и сдал ключи.

Обернулся — девчонка смотрела на меня во все глаза, которые как льдинки, только внутри пламя.

— Работа на сегодня окончена, поехали.

Она так и стояла посреди тёмного коридора.

У них что тут совсем лампочек нет?!

Взял её за руку и потянул за собой. А у неё рука холодная, прямо ледышка.

— Замёрзла?

— Ага.

Накинул ей на плечи пиджак.

И тут же захотел сорвать с неё всё остальное.

Да что за нахер?!

Действительно, в последнее время мне было не до женщин, вот организм и реагирует так. Эта самочка моему внутреннему зверю явно приглянулась.

— Может, пиджак Ляле, а я кардиган заберу? — пропищала она.

Я приобнял её за талию, подталкивая к выходу.

Упёрлась в меня плечом — мягким, тёплым. И пахнет... вкусно.

Не духами — женщиной.

Ох не надо тебе это, Демьян!

Мы вышли на улицу.

Хотел рассадить своих дам по разным тачкам, но Ляля только увидела королеву мою и вцепилась в неё мёртвой хваткой — пришлось садиться всем вместе в минивэн.

Мелкая чирикала без остановки, а Королева — отвечала, вопросы задавала, смеялась.

Сел напротив, всю дорогу рассматривал снежинку.

Эх слишком хорошо она с Лялей ладит.

Надо её на работу брать, Ляле не хватает женской вот этой лабуды.

Пока до ресторана ехали, эти двое уже какие-то фенечки стали плести.

Всё, приехали.

Ладит с Лялей. Мило улыбается. Нежная. Уютная.

— Горыныч, руку дааай, — деловито раскомандовалась Ляля.

Ей можно.

Протянул ладонь.

— Я тебе колечко сплела. И Саше сплету. Поженитесь, будет у нас семья, — выдала мелкая.

Королева аж закашлялась.

— Не бывает у драконов семей, — тут же ответил я племяшке. — Только сладкие принцессы в башне, — и начал её щекотать, а она знай себе хохочет.

Саша смотрела сбоку. Успокоилась, на лице появилась улыбка.

Глаза блестели. Щёки — румяные.

Красивая. Очень.

И я её хочу. В постель.

А няню Ляле другую найду...

Приветствую вас, дорогие читатели!

Если вас заинтересовало начало, не забывайте ставить книге звёздочку, добавлять её в библиотеку и подписываться на автора, мне будет очень приятно)

Глава 3. Обед с пристрастием

Ресторан оказался дорогим. Слишком дорогим для того, чтобы я чувствовала себя спокойно.

Огромные окна, золотистый свет, тихий джаз и белоснежные скатерти, к которым страшно прикоснуться. Я чувствовала себя случайной прохожей, попавшей на приём к королевской семье.

— Садись рядом со мной, Саша, — сказал Горыныч... ну, то есть этот умопомрачительный мужчина, кем бы он ни был.

Голос ровный, но в нём была эта опасная, вкрадчивая интонация, из-за которой внутри всё предательски дрожало. Я тихо опустилась на мягкий диванчик, Ляля устроилась напротив, тут же без стеснения положив локти на стол и уставившись на меня своими огромными голубыми глазами.

— А у тебя мама есть? — сходу спросила она.

— Есть, конечно, — растерянно улыбнулась я.

— А папа?

— Тоже есть.

— А муж?

Я улыбнулась. Ну допрос!

Краем глаза увидела, что Горыныч тоже заинтересованно на меня посмотрел.

— Нет, мужа пока нет, — сказала я и отпила воды из стакана.

— А почему ты без мужа? — продолжила Ляля допрос, заставив меня поперхнуться уже второй раз за столь непродолжительное время нашего знакомства.

— Ляля, — низко сказал Горыныч, и его грозное замечание на секунду сделало весь ресторан тише.

Но малышке, похоже, всё равно — только заинтересованнее уставилась на меня.

— Я вот думаю, — продолжила она, качая ногами под столом, — может, ты нам подходишь.

— Подхожу для чего? — осторожно спросила я.

— Горыныч ищет мне няню! — важно ответила Ляля. — А то у нас никто не выдерживает! Тётя Катя Петровна три дня продержалась, тётя Рита — один вечер, а та, которая в бассейне утонула, вообще сбежала!

— А как она утонувшая смогла сбежать? — хохотнула я.

— Ой, это такая весёлая история! — оживилась Ляля, но договорить не успела — к нам подошёл официант.

— Выбирай, что хочешь, — сказал Горыныч, слегка наклонившись ко мне и пододвигая меню в кожаной обложке.

Эх, как же пахнет от этого мужчины... И голос этот низкий, спокойный, но с вкрадчивой хрипотцой, от которой пальчики на ногах сами собой поджимаются.

Я опустила глаза в меню и сразу об этом пожалела.

— Эм...

Цены не кусались — они напали на мой кошелек огромной кровожадной стаей и рывали его на куски.

— Саша, — его взгляд поймал мой, и я мгновенно перестала моргать. — Обед на мне.

Я хотела возразить, но прикусила язык. В конце концов, я сама бы в такой ресторан ни за что бы не пошла, а значит, ничего, что мой обед оплатит приглашающая сторона. Тем более работодатель. Можно сказать, мы на рабочей встрече за счет компании.

— Я буду макароны с сыром! — радостно заявила Ляля, листая своё меню так, будто там был комикс, а не блюда с четырёхзначными ценниками.

— Может, лучше что-то полезное? — осторожно спросила я. — Салатик, например, или супчик.

— Фу, супчик, — скорчила она гримасу и скрестила руки на груди.

— А витамины? — мягко улыбнулась я. — Чтобы волосы росли быстрее, а кожа блестела, как у принцессы.

Девочка задумалась.

— Если съем салат, будут волосы, как у Рапунцель?

— Почти, — кивнула я серьёзно. — Надо ещё морковный сок добавить.

Ляля глубокомысленно подперла щёку, затем решительно ткнула пальцем в меню:

— Тогда цезарь. Но без этих зелёных штук, которые как трава. И морковный сок.

Я улыбнулась и поймала взгляд Горыныча.

Он сидел, чуть откинувшись на спинку, пальцы лениво обнимали бокал, взгляд — тяжёлый, внимательный.

Секунда, другая, и я вдруг почувствовала, что мои щеки предательски теплеют. Да ещё и официант принял заказ и отошёл, а Ляля нашла детскую зону и ускакала играть.

Мы с Горынычем остались вдвоём. Взгляд его был как прикосновение.

Срочно надо было что-то говорить. Он же меня просто раздевает этим взглядом!

— А где лялина мама? — спросила я чересчур оптимистично и сразу же поняла, что не стоило.

— Моя сестра... год назад умерла.

Слова прозвучали спокойно, будто он просто констатировал факт, но в его голосе что-то хрустнуло.

Я растерялась:

— Мне... очень жаль, — сказала я искренне.

— Не нужно, — коротко сказал он, но взгляд его метнулся к Ляле — и там было столько боли, что у меня перехватило горло.

— Поэтому вы ищете няню? — тихо спросила я.

— Поэтому, — подтвердил он, снова возвращая себе привычную холодную маску. — Ляля всех доводит. Вчера ушла шестая няня за полгода.

Я отвела глаза, дав ему пространство, хотя нет-нет, но чувствовала, что он внимательно меня разглядывает. Молча. И тишина между нами была такой плотной, что её можно было мазать на хлеб.

Есть, кстати, хотелось нещадно! Я всё поглядывала на хлебную корзинку, жаль излишняя скромность не позволяла мне стянуть кусочек.

Я уткнулась взглядом в золотистую люстру, стараясь делать вид, что всё прекрасно и меня совершенно не смущает сосед, который смотрит на меня, как я на хлебную корзинку.

Наконец, официант принёс наш заказ — стейк для Горыныча, тёплый салат с уткой для меня и цезарь с морковным соком для Ляли.

— Фу, — сказала малышка, сделав пробный глоток. — Это жидкая морковь!

Горыныч посмотрел с укором, и девочка скривилась, но послушно сделала ещё два глотка.

Я взяла вилку и осторожно попробовала салат. За эти деньги он должен был исполнять желания.

— Тебе не нравится? — спросил Горыныч, заметив, что я слишком долго ковыряю листья.

— Нравится, — слишком быстро ответила я, чувствуя, как капелька дорожкой заправки стекает по пальцу.

— У меня аллергия на враньё, — сказал он вкрадчиво.

— Я... дело не в салате, я просто не очень привыкла к таким ресторанам, — призналась я честно.

Он усмехнулся уголком губ, откинулся на спинку кресла и сделал глоток воды:

— Привыкнешь.

И это прозвучало так... порочно!

Я сразу же задумалась, а какие у этого мужчины на меня планы? Студию, в которой я работала, он закрыл. Все проекты теперь раскидают по другим местам... а я? Да... придётся сегодня вечером рассылать резюме.

Ляля тем временем ковырялась в своём цезаре, отделяя листья от курицы.

— А можно без этой зелёной гадости? — недовольно спросила она, собирая маленькую кучку салатных листьев на краю тарелки.

— Нельзя, — отрезал Горыныч, даже не взглянув.

— А можно я съем Сашин кусочек курицы? — моментально переключилась Ляля.

— Можно, только это утка, — ответила я и пододвинула тарелку, а потом, опомнившись, добавила, — если дядя разрешит.

— Ляля, — Горыныч вздохнул. — Ты когда-нибудь начнёшь есть по-человечески?

— Я же по-человечески ем, — обиделась она и гордо запихнула в рот ломтик утки.

Я не сдержала смехок.

Мы ели в тишине ещё пару минут. Потом Ляля снова не выдержала:

— Саша, а ты умеешь плавать?

— Умею.

— Круто, значит, ты не утонешь, как тётя Маша! — сказала она так бодро, что я снова поперхнулась, а Горыныч, смеясь, заботливо похлопал меня по спине.

Ох и зря он. Даже такие его прикосновения обжигали... Я почувствовала их куда сильнее, чем стоило бы.

Он посмотрел на часы и спокойно, но так, что спорить не хотелось, произнёс:

— Ляля, пора. Через двадцать минут у тебя занятия.

— А у тебя? — хитро прищурилась малышка, явно что-то задумав.

Горыныч медленно поднял взгляд на меня и, чуть насмешливо скосив уголок губ, ответил:

— А у нас с Александрой... работа.

От этого его "у нас" у меня предательски пересохло в горле.

Глава 4. Проверка

Снежная королева

Горыныч сказал Ляле какие-то кодовые слова и та с радостью согласилась пойти на свои занятия, что проходили в большом и красивом детском центре.

Мы подъехали к самому входу. Малышка обняла меня на прощание, сказала почему-то “до вечера”, а потом, всё ещё в моей кофте и с новой фенечкой на запястье убежала к зданию.

Я смотрела, как женщина лет пятидесяти берёт её за руку и ведёт внутрь, и сердце моё сжималось. Слишком быстро привыкла к этой малышке. Надо же... не ожидала от себя такого.

Жаль, что мы скорее всего больше не увидимся.

А на кофту... на кофту плевать, пусть у Ляли останется что-то от меня. Хотя бы ещё на пару часов.

— Едем, — бросил Горыныч коротко.

Я очнулась от мыслей. Теперь — только мы вдвоём. И настроение в машине как-то ощутимо поменялось... Быть с ним наедине было... опасно. В прямом и переносном смысле.

Я молчала. Сидела с прямой спиной, вцепившись в ремень безопасности. Смотрела в окно, но картинка за стеклом расплывалась — не от скорости, а от того, что в голове творился полный хаос.

Его присутствие ощущалось слишком остро. Кожей, ребрами, каждой нервной клеткой. В голове шумело, внутри всё перешло в аварийный режим.

Запах кожи в салоне смешивался с чем-то его собственным — тёплым, опасным, вызывающим желание подчиниться.

И ещё этот пиджак на мне. Его пиджак.

Я чувствовала каждый его брошенный на меня взгляд. На самом деле, казалось, он вообще не отрывал от меня глаз, сканировал меня, считывал.

— Расслабься, — усмехнулся он негромко, поймав моё отражение в стекле. — Садись удобнее. Ты сейчас не на съёмочной площадке.

Удобно... ага!

Да с этим мужчиной даже молчание ощущалось как прикосновение! Опасное. Горячее. Нежелательное — и всё же пугающе желанное.

— Может, тогда перестанете на меня так смотреть? — спросила я тихо, не поворачивая головы.

— Как будто мысленно уже раздеваю тебя? — его голос стал ниже, обволакивающим.

Я резко повернула голову — хотела показать, что не смущаюсь.

Но не вышло.

Он откинулся в кресле, раскинув руки на подлокотниках, как будто сидел на троне.

Взгляд хищный, ленивый.

Щетина подчёркивала резкие скулы, губы — чуть приоткрытые, как у мужчины, который только что кого-то целовал... или только собирается это сделать.

Под рубашкой, чуть расстёгнутой на воротах, угадывались рельефные мышцы.

Уголок его губ дёрнулся — не улыбка, нет. Только намёк на неё.

Бёдра расслаблены, ноги расставлены.

Мой взгляд скользнул ниже — и я замерла.

Под плотной тканью брюк — внушительный бугор.

Он даже не прикрывал его — демонстрировал.

Но следующие слова вообще заставили меня замереть.

— Медленно стягиваю с тебя пиджак, расстёгиваю молнию на твоём платье, смотрю как оно падает к твоим ногам, вдыхаю твой аромат, притягиваю к себе и...

— Хватит!..

Я вспыхнула как спичка. Чёрт! Да ему нравится мучить меня!

Щёки горели, низ живота сводило от возбуждения, бельё намокло.

— Оставим темы восемнадцать плюс, — я взяла себя в руки, прямо посмотрела на Горыныча и даже улыбнулась. — Мы же на работе.

Но он так смотрел, что мне пришлось свести колени, чтобы утихомирить пожар, который полыхал внутри.

Зря я это сделала.

От этого движения стало только хуже. И ещё, это движение не укрылось от Горыныча. Мужчина бросил взгляд на мои бёдра и усмехнулся.

Господи, Саша, держись.

Да, он красивый. Да, запах у него — просто гормональная бомба!

Но у него явно очередь из женщин, готовых за секунду броситься к нему на колени.

А я? Я даже ресницы не накрасила сегодня.

— Я думал, твоя работа как раз и состоит в том, чтобы озвучивать такие вот сцены.

— У вас хорошо выходит, не пробовали себя в озвучке? — спросила я излишне весело, будто меня нисколько не волновало всё, что он говорил.

— Нет, я предпочитаю действовать, а не притворяться, — лениво протянул он, и это “действовать” будто слизнуло весь воздух из салона.

Он прищурился и хищно повернул голову.

— Ммм... — этим его низким хриплым голосом.

— Что? — спросила я, сглотнув.

— Представляю, как ты сидишь на мне, — проговорил он лениво, будто рассуждая вслух, — платье задрано, дыхание сбилось, пальцы вцепились в моё плечо...

Глаза стали темнее. Глубже. Опаснее.

Его голос обволакивал лучше любого прикосновения. Как будто жар его слов ложился прямо под кожу, между рёбер, заставляя сердце колотиться сильнее.

— Вы... — я нервно хмыкнула и отвернулась к окну. — Вы специально это делаете. Провоцируете.

— Конечно, — спокойно согласился он. — Ты же реагируешь. А твои реакции... Это захватывает.

Фухх, Саша, успокойся, это же просто слова. Он же просто говорит. Да, голос у него супер, и выглядит он очень... возбуждающе. Сильные руки, мощная шея, уверенная поза... А у тебя мужика давно не было... Это не повод!

Надо успокоится. Надо успокоится!

У таких мужчин обычно девушки — длинноногие модели. А я... просто я. Простая Саша. Не глянцева. Не фифа. Не его тип.

Наверное.

И вообще — мы на работе! Сейчас посмотрю с ним пару студий, определит меня куда-нибудь дальше книги да сериалы озвучивать, и на этом всё.

Машина остановилась.

Я облегчённо выдохнула — обрадовалась окончанию пытки. Оказалось — зря.

Он вышел первым, подал мне руку.

Я сделала вид, что не заметила, и он ухмыльнулся — как хищник, которому нравится, что добыча сопротивляется.

Всё, Саша, сосредоточиться на задании!

Эта студия была намного солиднее той, в которой работала я.

Здесь было новое здание, чистое и светлое помещение, в фойе пахло кофе. За стойкой девушка в белом топе и кожаных штанах — приветливо улыбнулась.

— 3-з-здравствуйте, — растерялась она, когда увидела моего спутника.

— Проверка, — бросил Горыныч. — Где начальник смены?

— Сейчас подойдёт, — пискнула девушка, поглядывая на меня с интересом.

Он прошёл внутрь, как ураган, а я — следом, стараясь не впустать в лёгкие шлейф его парфюма.

— Ну? — обернулся он в узком коридоре. — Здесь тоже что-нибудь не так, актриса?

— Пока всё хорошо... — пробормотала я. — Свет везде. Чисто. Провода не валяются, тепло. Двери не скрипят, везде доводчики. Предлагаю посмотреть студии.

Он кивнул, но в глаза мне не смотрел. Взгляд его скользнул ниже — по телу. И я это почувствовала. Словно обжёг.

Мы прошли по студиям. Я честно старалась сосредоточиться на проверке. Чисто. Просторно. Аппаратура в порядке. Но этот мужчина... в какой-то момент я заметила — он идёт вплотную. Словно специально. Он не прикасался, но я чувствовала его рядом — кожей чувствовала.

— Здесь тоже всё идеально, — пробормотала я в последней студии. — Осталось только...

— Только признаться, что ты меня хочешь, — перебил он и дверь за нами закрылась.

Я замерла. Он стоял сзади, слишком близко ко мне. Я низом спины чувствовала его...

— Не притворяйся, Саша, — он потёрся мне о спину и о...оооо! — Ты вся говоришь об этом. Как смотришь. Как дышишь. Как сжимаешь колени, когда мы одни.

Я хотела отшагнуть, но мне на живот опустилась горячая пятерня Горыныча.

— Думаешь, я не заметил, как ты вспыхнула, когда я говорил, как тебя раздеваю? — он произнёс это та-а-ак медленно, своим хриплым этим голосом, да ещё и мне прямо на ушко. — А теперь представь, что это не слова.

— Хватит, — прошептала я, а дыхание предательски перехватило.

— Я же только начал.

Он наклонился к моей шее.

Я почувствовала его ладонь — горячую, сильную — на своей талии. Вторую — внезапно на горле. Он сжал его легко, ни капли боли, но достаточно, чтобы я перестала дышать. Не от страха — от желания.

— Скажи, что не хочешь меня, и я отойду.

— Не хочу!

— Врать нехорошо, — прошептал он. — Плохая девочка.

И усадил меня на край стола!

Глава 5. Плохая девочка

Студия была небольшой. Свет приглушён.

Я сидела на столе, будто именно для этого он тут и стоял. Холодная поверхность столешницы обжигала кожу сквозь тонкую ткань платья, но горячее дыхание Горыныча сразу всё перекрывало.

Его пальцы скользнули выше, а мой мозг уже начал писать завещание. Рука исследовала внутреннюю сторону бедра. Не спеша. Будто проверяя, правда ли я так возбуждена, как ему кажется.

Правда.

Только ему об этом знать не обязательно!

Я задохнулась. Всё внутри будто взорвалось.

— Не надо... — выдохнула я, не веря, что смогла хоть что-то произнести вслух.

— Надо, — он приближался, и я уже поставила обе руки назад, чтобы не упасть.

Он навис надо мной, как тень, как опасность. Его ладони крепко сомкнулись на моей талии, притягивая меня ближе. Вклинился между коленей, задирая платье.

Да такого не бывает!

Он что всерьёз готов сейчас вот это... прямо здесь?!

Бёдра мои дрожали, колени были слабыми, будто превратились в вату. Я пыталась упереться ему в грудь, но это всё равно что стараться сдвинуть стену!

В следующее мгновение я уже лежала на столе, а он склонился надо мной, прижимая своим телом.

— Блядь, какая ты вкусная...

Его рука сжала мою пятую точку так, что меня прострелило желанием.

— Невкусная — кожа да кости!.. — голос мой предательски сорвался.

— Вот попробую и узнаю.

Его губы коснулись кожи, и я вздрогнула.

Он провёл губами по моей щеке, к уху. Я попыталась отвернуться, но он удержал лицо ладонью, взглядом прожигая насквозь.

— Скажи, что не хочешь меня. Скажи — и я отойду. Только помни, что врать нехорошо.

Я открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

Сердце билось так громко, что заглушало всё остальное.

Тепло его тела, его твёрдость между моих ног, жар пальцев, дразняще скользнувших под подол платья...

— Я... я не... — слова путались, дыхание сбивалось, мысли рушились, как карточный домик.

Горыныч медленно, нарочно медленно, расстегнул первую пуговицу на моей груди, она сдалась без боя, платье, похоже, решило сотрудничать с врагом.

Если он расстегнёт ещё одну — я сломаюсь!

Именно это осознание вернуло мне контроль.

Я резко дёрнулась, рука задела штатив — дорожный микрофон рухнул на пол с грохотом. Сердце в пятки.

Пока он отвлёкся на звук, я соскользнула со стола и, не раздумывая, рванула к двери. Там на стене — красная кнопка.

Я ударила по ней, словно это могло спасти меня от собственных чувств.

Сработала тревога. Сирена взвыла. Вспыхнули аварийные огни.

— Саша! — рывкнул он, а я уже мчалась по коридору.

На звук бежали охранники.

— В студии! — выкрикнула я, смело мчась прямо на них. — Горынычу плохо! Он... он упал! Вызовите скорую!

И тут на нас с потолка полила вода!

Чёрт, зачем в помещении, полном оборудования, такая пожарка!?

Охранники бросились внутрь, я — в сторону выхода, сбрасывая с плеча его пиджак, будто стряхивала его руки, его запах, его прикосновения.

Дверь наружу — открыта. Воздух хлестанул в лицо, словно пощёчина. Свежий. Свободный. Живой.

Я пулей вылетела во двор. Где выход? Где, чёрт возьми, ворота?!

Увидела калитку, за ней остановка, автобус — как спасение. Неважно куда. Лишь бы подальше отсюда. Прямо сейчас!

Я рванула к калитке, проскочила на улицу — и в тот же миг автобус, полный людей, начал закрывать двери.

— Подождите! — крикнула я, подбегая. — Пожалуйста!

Водитель вздохнул, открыл снова. Я влетела внутрь — и сразу в гул голосов, запах чужих тел, духоту.

Места не было. Ни одного. Только стоячие, и то — впритык. Я протиснулась вглубь, спряталась за спинами, сделала вид, что ничего особенного не случилось.

Но грудь вздымалась от рваного дыхания.

Выглянула в окно — снаружи на остановку выскочили охранники. Один, второй. Бегло окинули остановку глазами — и промчались дальше, в сторону перекрёстка.

Я вжалась в поручень, отвернувшись от окна. Сердце колотилось, ладони скользили от пота.

В салоне было тесно.

Прямо передо мной стоял мужик лет пятидесяти и пялился в вырез моего платья.

Чёрт, пуговицы!.. Я отвернулась и быстро застегнула расстёгнутые Горынычем пуговики. Горело всё. И лицо. И грудь. И между ног.

Глупая девчонка.

Я едва не позволила ему...

А ведь хотела. Чёрт возьми, хотела. Хотела, чтобы он трогал, чтобы шептал, чтобы... взял меня прямо там! Посреди рабочего дня в какой-то чужой студии.

Нет, я не хотела этого. Совсем. Ну ладно... чуть-чуть. Ладно... очень сильно.

О ужас! Вдох-выдох. Всё хорошо, Саша!

Навстречу автобусу ехала пожарная машина с сиреной и мигалками.

О нет! Ничего не хорошо!

Автобус мчался вперёд, а я прикидывала: остаться дома? Уволиться? Да я уже уволена!

Спрятаться под одеялом и сделать вид, что этого дня не было вовсе!

А если он придёт ко мне домой?

Господи.

Ему же не доставит никаких проблем найти мой адрес!

Глава 6. Без права выбора

Когда за мной захлопнулась дверь моей квартиры — я сразу упала на пол. Не как в кино, а потому что ноги просто отказались держать тело. Оно будто решило: “Ладно, дальше без меня”.

Всё. Я дома. Я в безопасности. Никто не тронет. Никто не...

Я зажала уши, потому что тишина оглушала. Сердце гремело в груди, будто вколачивало гвозди изнутри.

Одежда прилипла к телу — мокрая, душная. Я сорвала платье прямо в коридоре, швырнула его в сторону и босиком метнулась в ванную.

Помыться. Срочно. Смыть. Всё. До капли.

Горячая вода обжигала кожу, но я дрожала под напором воды, хотелось стереть его прикосновения. Голос. Жар. Свою слабость.

Блядь, какая ты вкусная...

Я сжалась.

Нет, воды не достаточно. В идеале бы — промыть мозги и стереть память о последних трех часах. Жаль нельзя откатить время назад — прогуляла бы сегодня работу!

После душа встала в центре комнаты, в одной майке и трусах, мокрые волосы липли к шее, по ноге текла капля.

И только тогда пришло осознание — я не знаю, что делать дальше.

Работа — прощай. Актёрская карьера — до свидания. Кто меня теперь возьмёт?

Надо исчезнуть. Уйти. Залечь на дно. Надолго...

Куда бежать — не ясно. Главное — быстрее.

Я закинула в рюкзак нижнее бельё, пару футболок, джинсы. И только потянулась за паспортом — звонок в дверь.

Раз.

Два.

Три.

Я замерла.

— Что за... — я отпрянула к шкафу, схватила халат, натянула на влажное тело.

Заглянула в глазок — щуплый парнишка с характерной сумкой-холодильником за спиной.

Фух. Просто курьер.

Не буду открывать!

Ещё звонок.

Никого нет дома.

Ещё звонок.

— Я ничего не заказывала! — прокричала через дверь.

— Курьер, — жалобно сказал парнишка.

Вот же навязчивый! Приоткрыла дверь и сказала в щёлку:

— Я ничего не...

Дверь распахнулась.

Два здоровяка оттеснили меня внутрь.

А за ними вошёл он.

Горыныч.

Он двигался медленно. Уверенно. Как хищник, который точно знает, что добыча уже в ловушке.

Вошёл так, будто квартира — его.

Шагнул в сторону, провёл пальцем по книжной полке.

— “Мастер и Маргарита”, “Психология жертвы”... интересное комбо.

— Не трогайте мои книги! — вырвалось у меня.

Он повернулся. Навалился взглядом. Улыбка — опасная.

— А что можно трогать?

И снова пошёл ко мне, а я отступала, забывая, как дышать.

Рукава рубашки закатаны. Злой. Мокрый.

— Вы... Вы не имеете права... Это незаконно...

— Угу. — Он приближался. — А разнести микрофон за двести косых — законно? А вызвать пожарных, затопить студию?

Я едва сглотнула.

— Я испугалась... вы... вы...

— Я что?

Он уже стоял вплотную. Глаза — стальные, обжигающие.

Я отступила, прижимаясь к стене.

Он остановился в шаге от меня. Наклонился. Глаза — пепел и сталь.

Я затряслась сильнее.

— Я... — я сглотнула. — Я не хотела ничего портить. Я могу отработать микрофон. Погасить сумму... Могу книги озвучивать. Все какие скажете! Или курьером пойду работать!..

Он засмеялся. Глухо, хрипло.

— Будешь пиццу развозить до пенсии. Ты даже не представляешь, сколько там было техники, куколка. Ещё не подсчитали, но миллиона на четыре точно. И это ещё не учитывая просрочки по проектам, которые неизбежно будут из-за срыва рабочей смены и последующего ремонта и просушки помещений. Ты мне теперь должна, Королева.

О нет... только не это!..

Он резко подошёл, я отступила назад, уткнулась спиной в стену.

Горыныч взял меня за щёки одной рукой.

Пальцы были тёплые, крепкие. Взгляд хищный. Словно решал, с какой стороны лучше попробовать.

— Успокойся, — выдохнул в лицо. От него пахло табаком, мятой и жаром. А внутри меня — один только дым.

Я дрожала. Всё внутри дрожало. Ноги ватные. Сердце в пятки. А где-то глубоко в животе — неуместное, сладкое “хочу”.

Успокойся...

Конечно, щас только умру окончательно и сразу успокоюсь! Сразу и навсегда.

— Пожалуйста... — я не знала, о чём прошу. О пощаде? Или чтобы не останавливался?

Он усмехнулся.

Провёл пальцем по вороту халата, отошёл.

— Ты тут давно живёшь? — спросил он, будто между делом, а сам поднял с пола лифчик, повертел в пальцах и бросил на кровать.

Стыд какой!

— У тебя кто-то есть?

— В смысле?..

Он повернулся ко мне, прислонился плечом к дверному косяку.

— Парень, сожитель?

— Н-нет.

Он не ответил. Только усмехнулся и отвернулся, будто уже получил всё, что хотел.

— Родители где?

— В маленьком городке живут. Далеко отсюда.

И хорошо, что далеко... Подальше от этого!..

— Здесь родня есть?

— Никого. Я одна.

Он кивнул, будто это подтверждало какой-то его внутренний список.

— Собак боишься?

— Э-э... злых боюсь, — ответила я.

Я уже совсем ничего не понимала. Почему он всё это спрашивает?

— Образование какое?

— Театральный...

Он скривился.

Да уж... работать в кино у меня не вышло. Слишком часто режиссёры предлагали роли не за талант — за постель. Потому и пошла в озвучку. Тут на длину ног и объём груди никто не смотрит.

Кстати о ногах...

Он наклонился к моим ногам. Посмотрел на меня снизу вверх, но так, что мне снова стало жарко, а потом подобрал рюкзак и поднявшись подал его мне.

— Собирайся. Жить со мной будешь.

— С вами? — я выдохнула.

— С нами, — он усмехнулся. — С Лялей и со мной, — буднично. Как будто это само собой разумеется.

— Ч-что?.

— Детей любишь?

— Да...

— Ну вот и отлично.

Он наклонился ближе. Его губы почти коснулись мочки моего уха.

— Собирайся, Саша.

— Но я...

— Долго не думай. Или я сам тебя одену.

— Но...

— Да няней я тебя нанимаю! — прорычал он. — Няней для Ляли будешь работать, — он весело щёлкнул меня по носу. — А ты что подумала?

А что я подумала?..

Глава 7. Саша

— У тебя есть пять минут, чтобы собраться.

Я судорожно схватилась за пояс халата.

— Я... мне надо переодеться, — выдавила несмело.

Он даже не моргнул.

— Переодевайся.

— А вы?..

Я показала глазами на дверь.

Он прислонился к косяку, сложил руки на груди.

— Время пошло, Саша.

Сжалась.

Разозлилась.

— Ладно, — сказала сквозь зубы.

С остервенением открыла шкаф.

Каждое движение — будто под прицелом. Он не сводил с меня глаз. Я чувствовала его — горячий, проникающий под кожу.

Скинула халат. Под ним влажная маечка, сквозь которую всё просвечивало и простые хлопковые трусы.

Я пыталась двигаться быстро, но руки будто вату мяли. Натянула джинсы, толстовку...

— Паспорт не забудь.

Я не ответила, доставала чемодан из-под кровати.

— Я на сколько к вам еду?

— Надолго. — Как отрезал. — Лекарства есть?

— Н-нет, я... здорова.

— Презервативы?

— Что?! — я обернулась.

Он усмехнулся.

— Шутка. Саша. Шутка.

Пауза.

— У меня свои есть.

Я взорвалась!

— Не буду я с вами спать!

— Разумеется, — ответил он. — Спать это последнее, чего я сейчас хочу.

Я засунула в чемодан пижаму, тапочки, расчёску, нижнее бельё. Теплые вещи, спортивные — всё, что первое попало под руку. Кожа горела, а он... он всё стоял. Смотрел.

Собираюсь в логово к зверю!

— Дай сюда, — буркнул он, и прежде чем я поняла, что он делает, оттеснил меня от шкафа.

Какой же всё-таки он громадный!

Он достал откуда-то из глубины шкафа моё короткое вечернее платье. Купила его на одну из вечеринок, когда ещё по кастингам ходила. До того, как поняла, что нечего мне там делать.

Шёлковое, в обlipку. Никаких лифчиков не нужно.

— Это зачем?! — вскинулась я.

Он посмотрел на меня снизу вверх. Глаза хищные.

— Для вдохновения, — сказал и кинул платье в чемодан.

И снова эта усмешка. В ней было всё — насмешка, голод, властность.

Я слотнула. Подхватила зубную щётку, зарядку, наушники.

Я сгребла всё, что смогла, и застегнула молнию. Пальцы дрожали.
Поднялась с колен.

Он снова был слишком близко. Слишком реальный. Запах табака и дорогого шампуня бил в нос, голова кружилась.

— Телефон, — напомнил он.

Я сунула его в карман.

— Всё?

Я кивнула.

Он взял тяжеленный чемодан одной рукой, будто тот ничего не весил.

— Пошли.

— Я... — Я обернулась на квартиру. Мою. Последнюю безопасную точку на карте.

— Пошли, Саша, — повторил он, не оборачиваясь, распахнул дверь и вышел в коридор.

Я на мгновение осталась одна.

Может захлопнуть сейчас дверь и позвонить сейчас в полицию?

И что я им скажу? Что бы я ни сказала, всё будет звучать нелепо.

Мы смотрели друг на друга.

Я чувствовала под кожей его взгляд. Он не касался, но будто держал — за талию, за горло, за запястья.

А потом:

— Пошли, Лялю с занятий надо забрать.

Я мысленно улыбнулась воспоминанию об этом розовом облачке.

— Не бойся. Я не съем тебя. Если только чуть-чуть.

Он усмехнулся и пошёл вниз.

А я покорно за ним.

Прощай квартирка, прощай подъезд, прощай двор, бабули на лавочке посмотрели на меня одобрительно. Конечно, столько времени обсуждали, когда я наконец приеду домой с парнем, а тут вон какой мужчина.

Охранник открыл машину, теперь не минивэн, а седан, какой-то очень крутой. Я занырнула внутрь и сразу сдвинулась в дальнюю часть салона, Горыныч сел рядом.

Хлопнула дверь. Мир остался снаружи.

Внутри пахло кожей, дорогим парфюмом и... им. Смесь, от которой кружилась голова.

Посмотрела на его руки. Сильные. Пальцы длинные, жилистые. Вены проступают, когда он чуть сжимает мобильник

На запястье часы — массивные, мужские, тяжёлые. Идеально ему подходят.

А шрам на брови? Выглядит, как целая история.

Он напряжён. Молчалив.

Голос — вдруг. Внезапно. Громкий, чёткий, не ко мне:

— Yeah. Three slots. No. I said three, not two. She's coming with me. Yeah, the little one too. No. I don't care. Sort it out.

[Да. Три места. Нет, я сказал три, не два. Она едет со мной. Да, и мелкая тоже. Нет. Мне плевать. Разберись]

Он говорил по-английски. Свободно. Жёстко. Без пауз.

Я затаила дыхание.

Сказал «она». Про меня? Или про Лялю?..

Сжалась на своём сиденье. Машина казалась огромной. Или это он был таким. Заполнял всё пространство, воздух, голову.

Он всё продолжал с кем-то говорить, я уже не успевала ни понимать, ни переводить... Говорил, приказывал, «решал вопросы», как сказала бы Ляля, а я смотрела. Жадно. Смущённо. Исподтишка. И под кожей ползали искры.

Зачем-то представлялись сцены из книжек, которые я озвучивала. Где плохой парень запирает героиню в замке. Или в особняке. Или вот — в чёрной машине с тонировкой.

Только тут — не сказка. Он настоящий. Дракон прямо..

Когда он повесил трубку, в салоне повисла тишина.

Я не знала, что сказать. Он, кажется, не собирался говорить.

Я зажала колени. Сердце колотилось.

Вот дура. Я что, возбуждена?

Да. И сильно. Да как же это прекратить?!

Повернулась к окну, но глаза всё равно скользили к нему. К линии челюсти, к пальцам, к этим проклятым костяшкам.

— Борь, тормози, пересядь в сопровождение, сам за руль сяду.

А так вот кто такой “Дядя Боря”, который запрещает есть в машине!

Авто остановилось, Горыныч вышел. Как интересно, его на самом деле зовут?

Он пересел вперёд, а я осталась сзади.

Машина тронулась с места, я схватилась за ручку.

Он вёл, как и жил, — резко, уверенно, без права на сомнение.

Руль держал одной рукой — левой. Другой переключал скорость с такой точностью, будто играл на музыкальном инструменте. Виртуозно играл. Каждое движение — отточенное, сильное, уверенное.

Он почти не моргал. Взгляд — вперёд. Челюсть сжата. Брови сдвинуты. Шрам на одной из них делал его выражение лица ещё опаснее.

Каждые пару минут он поджимал губы — словно сдерживал злость или мысли, которые не хотел озвучивать.

Никакой музыки. Только глухой рокот мотора и гул дороги.

Его правая нога нажимала на педали — будто давила врагов, а не тормоз. Я смотрела, как натягивается ткань брюк на его бёдрах, и... Господи, у него там тоже, видимо, всё под контролем.

Нет, хватит. Прекрати, Саша. Не думай об этом! Ты едешь в логово зверя. А не на кастинг в "50 оттенков". Надо быть собранной и хладнокровной!

Он не смотрел на меня. Ни разу не взглянул. Будто и не существовало меня в этом салоне. Держал ситуацию в руках. Любую и всегда. Почти.

Тогда на столе... он контролировал себя? Не знаю.

Но сейчас он вёл машину так, будто держал под контролем весь мир.

И меня — тоже.

А потом...

Кто-то на повороте подрезал нас.

Он не выругался. Не посигналил.

Просто разогнался, обогнал водителя и резко затормозил перед его капотом.

Я инстинктивно вцепилась в подлокотник. Дыхание оборвалось!

Просто пёс, сорвавшийся с цепи!

Контроль? Какой к чёрту контроль?!

В нас обоих бушевала буря! Просто он умел её прятать, а я — нет.

— Приехали, — бросил он глухо.

Глава. 8 Демьян

Я вел осторожно. Ну, насколько вообще могу вести осторожно, когда рядом она — в своих узких джинсах, со сбившимся дыханием и с глазами, которые смотрят исподтишка, думая, что я не замечаю.

Замечаю.

С самого начала замечаю.

Взять её няней была плохой идеей, и я о ней ещё пожалею. Секс сексом, семья семьёй — я это правило не нарушал и нарушать не собирался.

Она ведь вся — ходячее искушение. Запах свежего шампуня, влажная майка, голос, срывающийся от напряжения... И реакции эти её чистые, незамутнённые — просто отвал башки. Вся дрожит — то ли от страха, то ли от чего-то другого.

Нахер тебе это надо, Демьян?

Сцепление. Газ. Переключаю передачу резко, грубо — как будто, выжимая педали, выжимаю из себя злость и раздражение, которое накапливается внутри. Наэлектризованное желание, возникшее, едва я услышал её голос, едва увидел её сначала в студии, а потом и в квартире в том халате.

Скорость стала термометром моих нервов. Чем больше хочется к ней прикоснуться — тем быстрее едем.

А когда какой-то идиот решил меня подрезать, я чётко и молча сделал то, что должен был — показал кто тут главный.

Она испугалась. Вжалась в сиденье, схватилась за ручку.

А у меня пальцы сжались на руле так, что костяшки побелели. Потому что я опасен не только для идиота на дороге. Я опасен для неё. А не должен быть.

И это только первая поездка один на один. А ведь она будет жить под моей крышей. В моём доме. В моём поле зрения. Двадцать четыре на семь.

Каждый. Проклятый. День.

Я выругался себе под нос, свернул с шоссе в сторону особняка. Осталось десять минут.

Десять минут, чтобы окончательно убедить себя: няня — не игрушка. Даже если у неё такие вкусные эмоции. Даже если ведёт от неё с полоборота.

Въехали во двор.

Дом — как всегда, холоден и строг. Белый фасад, чёрные ставни, ровный газон, идеальный порядок. Я такое люблю. Порядок помогает держать внутренний хаос под контролем.

Вышли из машины, Ляля тут же вылетела на крыльцо, как маленький розовый шарик счастья:

— САША!!!

Визг, вопль, руки в стороны.

А Саша... она улынулась. Искренне. Широко. По-настоящему.

И я почувствовал, как что-то внутри меня щёлкнуло.

Она бросилась к Ляле, подхватила, закружила, поставила мелкую обратно на ноги. Обе — визжат, смеются, Сашка целует Лялю в щёку, как будто они не виделись сто лет, а не пару часов.

Сашка. Быстро как-то я её записал в свой внутренний лист доверенных, но чуйка подсказывает, что такая не обманет, не предаст. Что ей можно доверять. Пару часов хватило. Пару часов, за которые, впрочем, много чего изменилось.

Я бросил ключи от машине Боре.

— Чемодан в гостевую на втором этаже.

— Около комнаты Ляли? — спросил он.

Вот зачем спросил, а? Сделал бы, как правильно, и всё.

— Около моей, — коротко бросил я.

Боря усмехнулся, сучёныш. Сразу всё понял.

— Я соскучилась! — воскликнула Ляля.

— Я тоже, малышка, — шепнула Саша.

Вот и всё.

Няня нашлась.

А мои вечерние планы пошли по п...незапланированным маршрутам.

Ляля потянула Сашу в дом, а та оглянулась на меня.

Я кивнул.

Саша сразу отвернулась к Ляле, и та атаковала её всем своим детским арсеналом, на какой была способна: писклявой болтовнёй, обнимашками, беспорядочной радостью и такой чистой и искренней любовью.

В этом они похожи. Искренностью своей.

— Ты к нам насовсем? — спросила малая.

— Я... — неуверенно начала Саша. — На некоторое время, пока не знаю.

Я шёл за ними следом, молча. И почему-то злился.

На себя.

На неё.

На эту... тёплую, домашнюю сцену, в которую меня будто бы не пригласили.

Что за вздор, Горынов?

— Ляль, — сказал жёстче, чем нужно. — Иди к себе. Потом всё покажешь.

— Но я хочу, чтобы Саша со мной пошла!

— Саша сначала устроится. Потом придёт к тебе.

Ляля хотела возразить, но я зыркнул на неё фирменным взглядом.

— Ты вредный! — малая надула губы и убежала наверх, топая ножками по лестнице.

— Ты всегда такой нежный? — Саша повернулась ко мне и приподняла бровь.

Сквозь иронию в её голосе — упрёк.

— Нет, бываю и грубым.

Саша прикусила губу. И вот опять — этот жест. Неосознанный. Сексуальный. И такой... интимный, будто я наблюдаю за чем-то, что не предназначалось чужим глазам.

— Контракт подготовят позже, кухарка приходит утром, так что завтра сразу ей скажи, что ты обычно ешь. На занятия будешь ездить с Лялей, выходные не предусмотрены. И паспорт дай.

— П-паспорт? — снова испугалась.

— Мы едем в отпуск, там нам тоже нужна няня, — объяснил я, теряя самообладание.

Она начала рыться в рюкзаке.

— Потом принесёшь. Я буду в кабинете.

Я ушёл, оставив её, немного растерянную за спиной.

Ну не мог я сейчас быть радушным хозяином, принимающим гостью. Да и не гостья она, пусть осваивается.

В кабинете я сел за стол и включил комп.

Надо было работать. Проверить финальный отчёт по релизам сезона, согласовать смету по новой студии, рассмотреть предложение о долгосрочном сотрудничестве с большими блогерами.

Но откинулся в кресле и прислушался, потому что за стенкой раздавался её голос.

И какого х... у меня в кабинете такая слабая шумоизоляция?

Сначала — тихий разговор и весёлое щебетание Ляли. Потом — смех. Лёгкий, искристый, живой. Я слышал, как Ляля захихикала в ответ. Саша, видимо, что-то рассказывала — голос стал громче, появилась интонация. И вот Ляля уже хохочет во всё горло.

Пришло голосовое от моей помощницы. Маша, толковая девчонка.

— Демьян Григорьевич, договор на няню прислала, отчёты сделала, а ещё... вы только не ругайтесь, но я в декретный отпуск уйду. Хотела заранее сказать, но всё как-то не получалось, а тут мне врач запретил на работу ходить, нужен покой, а то беременность мне как-то сложно даётся. Ну я в общем... Извините, Демьян Григорьевич. Мне бы побыстрее замену найти.

Твою же..

Я медленно провёл ладонью по лицу.

Почему-то представил Сашу беременной.

Волосы растрёпаны. Губы мягко улыбаются. Я опускаюсь перед ней на колени, помогаю завязать шнурки на кроссовках, обхватываю живот ладонями. Она смеётся, чуть откидывает голову назад, зарывается пальцами в мои волосы, взъерошивает их. Рядом щебечет Ляля, и мы вместе идём гулять...

Оповещение на телефоне выдернуло меня из идиллии.

Демьян, да что, б..., с тобой происходит!

Прекрасно.

Просто. Охренительно.

У меня тут новая няня, хренов внутренний конфликт, студия без управляющего и — теперь я ещё и без помощницы, с которой мы идеально сработались. И у Ляли скоро первое сентября...

Поздравил помощницу.

Скачал договор, внёс правки, отправил обратно.

— Демьян Григорьевич, а пункт “не трахать босса” точно надо в договор вставлять? — с сомнением спросила помощница в новом голосовом.

— Да, вообще никого не трахать, — отрезал я. — Только переведи на юридический, дословно не надо.

Несколько минут Маша молчала, а потом снова голосовое.

— Работник обязуется воздерживаться от вступления в интимные отношения с третьими лицами на период действия настоящего договора. Так пойдёт?

Я хохотнул и снова нажал на кнопку микрофончика:

— За исключением случаев, согласованных с работодателем.

Никаких мужиков, пока она живёт в моём доме. Только если я разрешу. А сам я разрешу только если себе, от чего надо всеми силами постараться воздержаться.

Стук в дверь.

— Можно?

На пороге появилась Саша.

Что я там говорил про воздержание?..

Глава 9. Пункты и пульта

— Вот, — я протянула ему паспорт. — Нашла.

Он молча взял его, не коснувшись моих пальцев, но я всё равно почувствовала, как внутри всё вспыхнуло. Да что со мной не так? Один взгляд, одно движение — и я горю!..

— Договор читай, — буркнул он, кивая на принтер, где печатались документы. — Если всё устраивает, подписывай.

— Хорошо, — кивнула я, обвела взглядом кабинет, забрала листки и устроилась в кресле напротив.

Я начала читать: фамилия, имя, обязанности, режим работы...

Пункт 12.2. Работник обязуется воздерживаться от вступления в романтические и/или интимные отношения с третьими лицами на период действия настоящего договора. Исключение — отношения, предварительно согласованные с Работодателем.

Я перечитала. Потом ещё раз. И ещё.

Подняла глаза.

— Это вообще что?..

— Нормальный пункт, — не отрываясь от монитора, отозвался он, видимо, догадываясь, что именно меня возмутило. — У тебя есть возражения?

— Это же вмешательство в личную жизнь!.. — выпалила я, едва не рассыпав листки. — С каких пор няня подписывает обет целомудрия?

Он посмотрел на меня. Спокойно, холодно, с той самой лёгкой усмешкой, от которой у меня обычно пропадают все слова.

— Ты живёшь у меня. С моей племянницей. Под моей крышей. Я не хочу, чтобы сюда таскались левые мужики. Не хочу драм и истерик каждые две недели. Всё просто: работаешь — не трахаешься. Хочешь трахаться — идёшь ко мне.

У меня аж рот приоткрылся.

— ...согласовывать претендента? — уточнила я.

— Желательно заранее, — ответил он хищно.

— Но это нарушение личных границ, — возразила я, представив, как буду согласовывать с Горынычем, с кем хотела бы переспать.

Не то, чтобы у меня было много вариантов, я вообще считаю, что секс это дело серьёзное. Интимное. Глубокое. И для этого надо хорошо знать своего партнёра.

Но когда-то же это произойдёт! А долг у меня большой, работать здесь придётся долго...

— Не хочешь — не подписывай. Никто не держит. — Усмехнулся Горыныч. — Можешь найти высокооплачиваемую работу, где разрешено трахаться налево и направо. И даже доплачивают за это. Номерок подсказать?

Я сжала зубы. Вот же!

Опустила взгляд в бумаги и продолжила просматривать договор.

Имя работодателя Демьян Горынов. Вот оно в чём дело. Горыныч, я усмехнулась.

Демьян...

Имя-то какое хорошее у него. Так и хочется произнести его вслух, почувствовать на губах.

Сашка, ну о чём ты думаешь?!

Я прочистила горло и продолжила читать договор. Дошла до оплаты труда. Ого! С такой зарплатой я смогу выплатить долг гораздо быстрее, чем думала!.. Правда ненормированный график и отсутствие выходных...

— Справишься? Без беспорядочного секса-то, — снова усмехнулся он, вставая и обходя стол.

Теперь между нами был буквально метр расстояния.

Я поймала себя на том, что дышать стало труднее. Какой же он мощный!

И запах его парфюма сводил с ума. А ещё от его фигуры тестостероном так и веяло.

Сердце в моей груди заколотилось, как барабан на рок-концерте.

Я кивнула.

— Тогда подписывай. Или скажи, если есть что-то, что не устраивает.

Я посмотрела на него. А он снова смотрел на меня. Не отводя взгляда.

— Всё устраивает, — тихо сказала и медленно поднялась, держа бумаги в руках.

Он подал мне ручку, наши пальцы соприкоснулись. Вроде бы ничего, а сердце совсем зашлось в припадке. Сделала глубокий вдох — он не помог.

Я положила договор на холодный гладкий стол и нагнулась, чтобы подписать. Пальцы дрожали едва заметно, но достаточно, чтобы я это чувствовала.

Щёлк.

А ручка не пишет.

Щёлк. Ещё раз. Нет, не работает.

Я встряхнула её. Ничего.

— Серьёзно?.. — пробормотала себе под нос.

Но в следующий момент он наклонился надо мной, и время остановилось.

Тёплая, сильная ладонь накрыла мою руку. Спиной я почувствовала, как он касается меня всем телом. Как его бёдра касаются меня сзади, а я наклонена над столом...

— Вот так, — прошептал он, встряхнув ручку и плавно направляя мою руку к нужной строке.

Я едва не застонала от жара, разлившегося по телу.

Сглотнула.

Он держал мою руку, но казалось, будто держит меня всю. И не собирается отпускать.

Я вздохнула. И вывела подпись.

Моя рука дрожала, и имя вышло немного неровным.

Он отпустил пальцы и отступил, но я всё ещё чувствовала его — в груди, внизу живота, между ног. Везде!

И почему у меня ощущение, что я не трудовой договор подписала, а накладную на душу?..

Он выпрямился, забрал у меня подписанные листки — и на секунду наши взгляды снова встретились.

Я не знала, что там у меня в глазах, но у него — был лед. Такой, что не отличишь от огня.

— Всё, — сказал он, складывая договор. — Добро пожаловать в логово дракона, Саша.

Я открыла рот, чтобы возразить — что-то остроумное, дерзкое, хотя бы каплю достойное, но... он уже отвернулся, подошёл к сейфу и закинул туда бумаги.

Будто бы и моё сердце тоже туда засунул.

И закрыл.

Я поспешила ретироваться, пока он не запер ещё и меня. В сейф. Или в спальне. Или в сейфе в его спальне...

Ляля побежала во двор искать собачку, чтобы нас познакомить, так что я воспользовалась минутой тишины и вернулась в свою комнату.

Присела на край кровати и огляделась.

Всё вокруг будто было совсем новенькое, стерильно-идеальное, словно в глянцево-журнале для очень богатых людей, у которых даже пыль оседает с особым шармом.

Через пять минут в этом храме дизайнерского перфекционизма я уже успела:

— найти пульт от умных штор (они открывались с угрожающим шелестом, будто сейчас взлетят),

— хлопнуть себя дверцей встроенного шкафа (она была слишком незаметной — я не ожидала),

— и случайно включить музыку в ванной. На итальянском. Очень эротичную. Очень громко.

Я выключала её долго — минут пять. Пультом. С матами в адрес всей современной бытовой техники. Но выключила. Победа! Но как же стыдно!..

С облегчением выдохнула. *Ну всё, можно расслабиться...*

— *Саша-а-а-а!* — раздалось за дверью. — *Я привела собачку!*

Вот и всё. Расслабление отменяется.

Я подошла к двери, готовая увидеть болонку, максимум — мопса. Ну или плюшевую игрушку.

Но нет.

Нет.

НЕТ.

На меня смотрела... это... ЭТО...

Бойцовское нечто размером с шкаф-купе, с квадратной мордой и клыками, как у вампира на стероидах.

На нём был ошейник — с клёпками. И жетон с яркой надписью “Кавказ”.

— Это моя собачка, — гордо сказала Ляля.

Глава 10. Красная Шапочка и бабушка с Кавказа

Я вцепилась в косяк, глядя на этот шерстяной танк рядом с хитрой девчонкой.

— Ты уверена, что это собачка?

— Угу, — кивнула Ляля. — Его зовут Кавказ, но можно просто Кава.

— Ка-а-а-авочка... — неуверенно протянула я, чувствуя, как потеют ладони.

Кавказ зевнул. Медленно. С таким звуком, будто сейчас небо треснет.

И сделал шаг ко мне.

А я — сделала шаг назад.

— Он... э-э-э крупный, — сказала я дипломатично.

— Он просто пушистый! — Ляля погладила зверюгу по голове. Тот довольно прикрыл глаза.

Затем Кавказ повёл носом по воздуху, улавливая запах моей паники очевидно, и гавкнул. Точнее — ГАВКНУЛ. Да так, что я дёрнулась и немного взвизгнула.

Кава сделал шаг ко мне, теперь уже заинтересованно. Его хвост многозначительно зашевелился.

— Он просто знакомится! — Ляля захлопала в ладоши.

В этот момент в коридоре раздались тяжёлые шаги.

На пороге возник Горыныч собственной персоной. В чёрной футболке, с растрёпанными волосами, с опасным прищуром и пультом от штор в руке.

— Что здесь происходит?

Я замерла с открытым ртом, Ляля сияла, Кавказ облизывался.

— Что здесь происходит? — голос у него был низкий и очень... командный.

— Он хотел познакомиться, — невинно пояснила Ляля, указывая на Каву.

— Тебе пора спать, мелкая, — отрезал Горыныч. — Марш в кровать.

Ляля попробовала поторговаться — ещё минутку, ещё секундочку — но Горыныч был непреклонен и выпроводил её спать, потому что “надо привыкать к школьному режиму”.

Школа!.. Надо же, у малышки же первый класс на носу!.. Завтра надо проверить, всё ли у неё готово к этому важному событию.

И вскоре девочка скрылась за дверью, бурча про «скучных взрослых».

А мы... остались.

Я.

Кавказ, который продолжал смотреть на меня, как на оживший стейк.

И Горыныч, который подошёл ближе.

Очень ближе.

— Испугалась? — спросил он, мягко приобнимая меня за талию.

Я хотела ответить хоть что-нибудь, но его рука на моей талии поразительным образом влияла на мою мозговую активность.

— Нет! — выпалила я, наконец. — Я просто... репетировала.

Горыныч приподнял бровь, выражая глубокий ироничный интерес.

И сел. Со мной. На подлокотник кресла.

Как будто мы так делаем каждый вечер.

Похлопал открытой ладонью по колену — и Кава подошёл. Виляя хвостом. Радостно, как будто сейчас получит сахарную косточку и пару человеческих пальцев в придачу.

— Что репетировала? — спросил Горыныч, пока пушистый монстр облизывал его руку, лежащую у меня на бедре.

На моём бедре?! Когда?! Почему?! Кто её туда пустил?!

— Эм. Спектакль. Детский. Про Красную шапочку и Волка. Я — Шапка.

— А Кава — Бабушка? — уточнил он, не моргнув глазом.

— Очень страшная бабушка, — пробормотала я.

А ты волк. Самый соблазнительный и опасный волк в этом лесу. И охотник в одном лице, так что нам с бабушкой не сдобровать...

Кава подсунил холодный мокрый нос под мою руку, выпрашивая ласку и я осторожно потрепала его за ушами.

— Ну, теперь ты официально прошла проверку, — подвёл итог он. — Кава одобряет.

Мы просидели вот так ещё пару минут.

Близко. Тепло. И совсем не страшно.

Я чесала Каву, а тот подставлял то один бочок, то другой, а я чесала его, ощущая, как напряжение внутри уходит. Вместе с адреналином.

Остаётся только вот это — странное, уютное, необъяснимое "мы".

— Добро пожаловать в семью, Шапка, — добавил Горыныч и хлопнул Кавказа по боку.

Тот фыркнул и неспешно ушёл на кухню, как уставший телохранитель после смены.

Я вздохнула. И вдруг вспомнила:

— Кстати... Школа. У Ляли же через пару дней первый класс? Всё готово?

— Всё, кроме ужина и нормального сна, — буркнул он, потянув пульт и нажав что-то. Шторы начали закрываться, комната медленно погружалась в мягкий полумрак.

— А она будет ходить куда-то рядом?

— В частную школу в соседнем районе. С девяти утра — и аж до семи вечера. Полный день. С кружками, обедом и развозкой. Всё включено.

— Ух ты... — я присвистнула. — Вот это график. И, значит, у меня будет... много свободного времени?

— Нет, — ответил он, не дав мне ни секунды на иллюзии. — Утром ты будешь работать моей ассистенткой.

— Простите, кем? — я моргнула и повернулась к нему.

— Ассистенткой, — спокойно повторил он, как будто речь шла о чём-то совершенно естественном. — Моя ассистентка уходит в декрет, а ты вроде соображаешь.

Он повернулся ко мне и медленно провёл пальцем по внутренней стороне моей руки, чуть выше локтя.

Так неуместно и так волнующе.

Я слотнула и встала на ноги, создавая между нами хоть какое-то расстояние.

— Я пойду к Ляле, прослежу, чтобы она точно легла спать, а не играла в планшет.

Он кивнул.

И я сбежала... выскользнула за дверь. И тут же — прислонилась к стене, сжав кулаки.

Даже не думай.

Даже не вздумай смотреть на него как на мужчину.

Он твой работодатель.

Рабо-та-да-тель.

Ходячая угроза трудового кодекса.

Да и посмотри на его жизнь!

На этот особняк. На его машины, прислугу, на вещи...

Он тебе не пара.

Поматросит и бросит. Просто потому что может. А ты останешься с разбитым сердцем. И долгом в несколько миллионов, которые надо как-то выплачивать.

Но имя его... Демьян. И сам он...

Я зажмурилась, чтобы выбросить это ощущение.

Не помогло.

И пошла по коридору. Прямо. Уверенно. Как взрослая. Как девушка, у которой точно всё под контролем. (Спойлер: нет.)

Подошла к спальне Ляли и услышала её тихий голосок:

— Мам, я проверила. Она точно подходит. Даже Кава её одобрил. Думаю, всё получится!..

Я постучала костяшками пальцев по двери, пока не услышала ещё что-нибудь лишнее, и дала ей пару мгновений притвориться спящей. Когда я вошла в комнату, Ляля уже лежала под одеялом, будто пай-девочка. Только планшет подозрительно светился из-под подушки.

— Ты точно спишь? — спросила я с прищуром.

— Конечно, — сладко зевнула она.

Я улыбнулась, какая же она милая, хоть и шкодинка. Выудила планшет из-под подушки и положила на стол.

— Спи, красotka.

— А ты? — спросила она, когда я уже была в дверях.

— Что я?

— Ну... ты теперь с нами, да? — она приподнялась на локтях.

Я замерла.

Ребёнок смотрел на меня совсем не спящими глазами.

Подошла ближе, присела у её кровати, взяла за руку.

— Даже если я не буду работать на твоего Горыныча...

— Его Демьян зовут, — вдруг поправила Ляля. — Ты не смотри, что он такой строгий и злой. Он как Кава... Выглядит только злым, а на самом деле очень добрый.

— Даже если я не буду работать на Демьяна, — поправилась я. — Мы всё равно можем дружить.

— Навсегда? — спросила она шёпотом. И в этом шёпоте сквозила надежда.

Не знаю, что случилось с её родителями, но похоже девочка многое пережила... Мне пришлось сглотнуть ком подступивший к горлу.

— Навсегда, — пообещала я, сжав её ладошку. — Давай так: если я тебе понадобится, а я не рядом — просто напиши или позвони.

Я взяла её телефон, открыла контакты и вписала туда свой номер. Назвала себя просто — Саша.

— Всё, теперь у тебя есть я. Как в книжке — крестная фея, только без крыльев.

— Хорошо, крестная фея, — прошептала она, укрываясь повыше. — А ты расскажешь мне сказку?

— Сейчас? — улыбнулась я.

— Ну да. Просто... хочется, чтобы кто-то живой читал. А не планшет.

Сердце снова болезненно сжалось.

— Хорошо.

Я открыла приложение со сказками, села рядом с Лялей на краешек кровати и начала читать вслух.

Медленно. С выражением. Меняя голоса.

С каждым абзацем она куталась глубже в одеяло, зевала шире и в конце концов уснула...

— Спишь, зайка?

Ответом мне было только лёгкое посапывание.

Я тихо встала, поправила ей одеяло, по инерции поцеловала в макушку.

Эх не умею я быть няней. Нельзя же так быстро и сильно привязываться к людям.

Демьян — это ещё ладно. Мужчина как мужчина, опасный, сложный, но я переживу.

А вот как потом буду вырывать из себя эту малышку, если всё закончится?

Прямо из сердца. С корнем.

Ладно, Саша. Не драматизируй. Живи одним днём.
Сегодня ты — фея.
А завтра... будет завтра.

Глава 11. Утро с приветом

Я проснулась от того, что кто-то обильно, основательно и абсолютно бесстыдно лизал мне лицо.

— А-а-а-а! — я взвизгнула и, сдёрнув с себя одеяло, отпрянула назад. Но было уже поздно.

Ко мне на кровать, издав довольное “вуф”, тяжело и неотвратно запрыгнул Кавказ. Он же Кава. Он же шерстяной демон апокалипсиса с горячим дыханием и пушистыми лапами, которым абсолютно плевать на моё личное пространство.

— Кава! — попыталась я прикрикнуть. — Нельзя! Слезь! Уйди! У-у-уходи!

Кава распластался на моей груди, обдав меня запахом влажной шерсти и вчерашнего корма. Я попыталась выбраться из-под этого мехового танка, когда...

Дверь распахнулась, и в комнату влетел полуголый мужчина.

Демьян.

Мой работодатель.

С обнажённым торсом. В домашних штанах, низко сидящих на упругих бёдрах.

Мы с Кавой оба раскрыли рты.

Горыныч замер на пороге, окинул взглядом меня, зажатую под гигантским псом, и про-
басил:

— Кавказ, слезь. Немедленно.

Кава заворчал, но не сдвинулся.

— Я сказал: слезь! — повторил Демьян и подошёл ближе.

Он наклонился, пытаясь стянуть с меня пса, но Кава весело завилял хвостом, разворачиваясь к хозяину, топая огромными лапами прямо по мне и радостно повизгивая.

Демьян всё же столкнул его и оказался прямо надо мной, нависая всем телом, словно собирался защитить, прижать или... я уже не знала, что именно.

Моя голова оказалась на уровне его живота. Я моргнула, потом ещё раз.

Там была эрекция. Утренняя, мощная, и очень... уверенная в себе.

Я не хотела смотреть, но посмотрела. И он заметил, что я смотрю.

Мы оба замерли и...

— Улыбочку! — прошептала Ляля, появляясь в дверях с планшетом в руках. — Вы такие милые!

Щёлк!

— Ляля, вон из комнаты! — рявкнул Демьян и, не раздумывая, прикрыл пах ладонью.

Я с шумом вдохнула и выбралась из-под Демьяна, уже смело отталкивая Каву. Никого страшнее его хозяина всё равно на этой планете не существует! Пёс спрыгнул с кровати, довольный собой.

— А ты чего так кричала? — спросила Ляля, стоя у двери.

— Просто... утро было бодрым, — пробормотала я, пытаясь натянуть хоть какую-нибудь уверенность на голос. — А ты чего так рано проснулась?

— Горыныч сказал, что надо готовиться к школьному режиму!

— Точно... — проямлила я.

Школа, режим, проверить, всё ли готово, цветы купить учителю в конце концов... Я посмотрела на дизайнерские часы, висящие на стене. Чтобы понять, который час, пришлось постараться...

Семь тридцать. Кажется, моя маленькая подопечная куда более ответственна, чем я сама!

— Там тётя Валя пришла, — сообщила Ляля. — Можно заказывать еду.

Я похлопала глазами, пытаясь сообразить, что за тётя Валя.

— Повар, — подсказал Демьян из моей кровати.

А хорошо устроился, работодатель!

— Попроси для меня блинчики, пожалуйста, — сказала я Ляле.

— Хорошо, блинчики, — Ляля убежала, радостно напевая что-то себе под нос.

Я выдохнула, резвернулась и... впечаталась носом в голую грудь Демьяна.

Он выглядел... не просто горячо. Он выглядел просто вулканически горячо!

Я попыталась отступить, потирая нос, но он удержал меня, положив ладони мне на бедра.

— Не двигайся, — сказал он хрипло.

Я замерла. Его тело было горячим. Его дыхание — слишком близко. Я чувствовала, как между нами напряжение вибрирует, как натянутая струна.

Взгляд упал ниже, туда, где дёрнулся под штанами его ч... Я шумно вдохнула, приоткрыв рот и резко подняла взгляд.

— Красивые девушки по утрам действуют на меня... — произнёс он хрипло этим своим невероятным голосом. — В общем, я ещё не проснулся.

Я, кажется, так и стояла с открытым ртом, пока он не коснулся мягко моего подбородка пальцами.

— Лучше закрой, пока туда что-нибудь не попало, — сказал он.

— Что например? — зачем-то спросила я.

Он многозначительно хмыкнул, отступил, развернулся и, уходя, бросил:

— Встретимся за завтраком.

Завтрак, точно...

Я повернулась к зеркалу.

О...

Майка сползла с одного плеча, обнажая ключицу и чуть-чуть грудь. Волосы — в беспорядке, но почему-то *этот* беспорядок выглядел как утро после страстной ночи, а не как борьба с огромным псом и его хозяином. Щёки румяные, губы припухшие, глаза блестят.

Я провела пальцами по щеке, а потом по губам. До сих пор чувствовала его взгляд. Его прикосновение. Его...

Так, стоп.

Хватит.

Я тихонечко взвыла и отправилась в ванную — приводить себя в порядок.

Спустя минут двадцать я уже выглядела, как человек, заправила кровать и была готова неистово исполнять роль новой няни! Подготовка к школе — дело тонкое, действовать надо аккуратно!

Но выйдя из комнаты, я почувствовала обалденно вкусный аромат, доносящийся из столовой! Так я и пошла на запах.

Первым, кого увидела, был, разумеется, Демьян.

Он уже сидел за столом, в чёрной домашней футболке, с чашкой кофе, ноутбуком сбоку и видом делового, но почему-то расслабленного человека.

Ляля устроилась напротив него и рисовала на салфетке чем-то подозрительно похожим на мою тушь, которую я так и не смогла сегодня утром найти!..

Кава спал под стулом маленького визажиста, тяжело посапывая, как старенький чайник.

— Доброе утро, — я постаралась вложить в голос как можно больше деловой бодрости.

— Доброе, Шапка, — хмыкнул Демьян, не поднимая взгляда от экрана.

Ляля просияла:

— У нас будут блинчики! Я заказала тёте Вале с клубничным вареньем и сметаной!

— А чем это ты рисуешь? — я села рядом с Лялей и выразительно посмотрела на свою тушь.

— Палочкой, — ответила Ляля, прикидываясь, будто не поняла, что за палочка.

Я посмотрела с укоризной.

— Извини, я больше не буду, — она подала мне мою тушь.

Я забрала палочку и сунула её в задний карман джинсов, почувствовав на себе взгляд Демьяна.

— Что? — спросила я.

— Ты хорошо справляешься, — усмехнулся он.

— А вы правда спали в одной кровати? — спросила Ляля, повергая меня в шок, и почти сразу в столовую вошла тётя Валя.

Кухарка оказалась крупной женщиной в клетчатом фартуке, поварском колпаке и с какой-то суровой энергетикой. В руках у неё был большой поднос с блинчиками — стопкой, достойной праздничного банкета.

— Валентина, это Александра, новая няня, Саша, это Валентина, к ней можно обращаться по любым вопросам, касающимся еды.

Я встала и улыбнулась женщине. Она не улыбнулась в ответ. Вообще меня проигнорировала.

— Тебе с клубникой, — засюсюкала довольной Ляле. А тебе, — повернулась она к Демьяну, — как обычно: без всего и с протеиновым коктейлем.

— Спасибо, — ответил он, отставляя ноутбук.

Остальное она просто поставила на середину стола, вроде как разбирайтесь, как хотите, и удалилась в кухню.

Я вопросительно посмотрела на Горыныча.

— Ты седьмая няня за полгода, — он пожал плечами.

Я посмотрела на Лялю, та сделала точно такой же жест своими маленькими плечиками, мол я вообще здесь не причем.

— Кофе будешь? — спросил Демьян.

Я кивнула.

Он налил мне кофе, принёс тарелку и приборы, и когда я уже тянулась к блюду с остывающими блинчиками, чтобы взять один или два, неожиданно рядом с моим локтем возникла мужская рука.

— Я сам.

Сначала он будто растерялся, будто ему давно не приходилось ни за кем ухаживать вот так!.. Он выложил на мою тарелку целую стопку — так, щедро, как будто собирался откармливать меня к зиме.

— Блинчики — пища богов, — заявила Ляля с серьёзным видом, а Демьян тем временем доложил ложку клубничного варенья сбоку.

— Ешь, — приказал, — Сметаны положить?

Я смотрела на него с изумлением, ощущая, как где-то внутри от этой заботы тихо потрескивает лёд. Лёд, который я выстроила между собой и окружающими.

Только вот лёд, который я считала своей бронёй, теперь оказался клеткой. И этот несносный мужчина просто взял и растопил её прутья, как мартовское солнце топит сосульки, свисающие с крыш.

— Сметаны? — переспросил он приподнимая бровь.

Отчего-то вспомнилось, что случилось утром в моей кровати, его безупречный пресс, эти волосы, уходящие под резинку штанов...

— Я... просто... — пробормотала я, не зная, как объяснить, что с такой тестостероновой бомбой замедленного действия в комнате, для меня даже вопрос про сметану звучит, как предложение заняться сексом. — Не надо сметаны. Ну или если только чуть-чуть...

Демьян положил всю ложку.

— Ешь, Шапка, — кивнул он одобительно. — Или я сам тебя накормлю.

Я постаралась не представлять, как он меня кормит...

— Прямо ложечкой? — зачем-то спросила я.

Язык мой — враг мой!

— У меня отличная ложка, — ответил он тихо.

Я сразу в красках вспомнила его утреннюю “ложку”...

Кава, почуяв у кого больше еды, переместился под мой стул.

— Он меня не съест? — спросила я, отрезая первый кусочек от ароматного блинчика.

— У него сбалансированное калорийное питание, в которое красные шапки не входят.

Я одобрительно покивала и проглотила кусочек блинчика со сметаной.

— А вы теперь женаты? — спросила Ляля. — Или пока только блинчики?

— Ляля... — одновременно подали голос мы с Демьяном.

— Просто я не против брата. Или сестрички!..

Глава 12. Варёнка

После вопроса о братике или сестричке, за столом повисла тишина, и в этой тишине Кава стащил у меня из рук блинчик!

— Ай! — возопила я.

— Фу, Кавказ! — грозно скомандовал Демьян.

— Молодец, Кава! Наши не сдаются! — расхохоталась Ляля.

Я потёрла укушенные пальцы и тихонечко взвыла.

Демьян тут же поднялся из-за стола и грозовой тучей навис надо мной.

— Покажи! — он взял мою руку с покрасневшими от аккуратного, но всё же ощутимого нападения Кавы. — На цепь посажу!

— Сашу? — весело спросила Ляля сбоку.

Но Демьян уже утягивал меня в гостевую туалетную комнату, где из мебели была душевая и раковина. Мы там едва уместились вдвоём.

— Клянусь, он воспитанный кавказец! Никогда раньше еду со стола не воровал, да и на кровать не запрыгивал.

Я стояла между его руками, склонившись над раковиной, а он бережно омывал мои обслюнявленные пальцы. Вода тёплая, прикосновения — ещё теплее. И всё было нормально до какого-то момента. Меня окутало его заботой, его теплом, его запахом, его беспокойством... И я почувствовала, что мне очень жарко. И этот жар рождался из одной конкретной точки внизу живота.

Ну нормально вообще?! Он просто помочь хотел, а я опять горю в его руках.

— Ты в порядке? — спросил он практически мне на ухо.

Я повернулась в его объятиях и теперь мы оказались лицом к лицу.

Зря я это сделала. Очень зря.

— Да, — выдохнула я почти что прямо в его губы. — Не сажай его на цепь. Я просто буду закрывать дверь в комнату плотнее, а во время завтрака можно его выгонять на улицу.

Я кажется ещё что-то лепетала, про то, что Кавказ это член семьи, и что нельзя так с животным.. Всё, что угодно, лишь бы заглушить звук бешено колотящегося сердца.

Дверь открылась, на нас уставилась Валентина.

— Ляля сказала, вам нужна аптечка! — с укором сказала она.

Мои щёки вскипели с тридцати шести градусов до ста за пару мгновений.

Да уж, выглядели мы со стороны не очень прилично. Да это всё и было неприлично!

Я тут же выскользнула из объятий Демьяна и, вежливо поблагодарив, забрала из рук Валентины белую коробочку, стремительно смываясь в столовую.

Ляля в это время поливала свои блинчики огромным количеством сгущёнки. Огромным! Будто блины принимали утренние сахарные ванны!

— Ляля, так много сахара — вредно для здоровья, — испугалась я.

— Это не сахар, это сгущенка! — весело сказала девчушка, облизывая край соусника.

— Солнышко, в сгущёнке очень много сахара.

Она заинтересованно посмотрела на меня.

— А как делают сгущёнку?

— Эм...

Жизнь меня к такому не готовила!

— Ну берут молоко, добавляют сахар и...

— Сгущают? — спросила она с набитым блинчиками ртом.

— Варят, наверное, — растерянно ответила я.

— Это варёнка тогда получается!

Она с таким аппетитом поглощала свой сахарный завтрак, что мне тоже захотелось.

— Ты знаешь, что бывают вредные продукты и полезные? — спросила я заинтересованно, отпивая кофе.

— Всё полезно, так тётя Валя говорит!

— Тётя Валя может и права, но всего должно быть в меру, — с лёгким укором ответила я. И кто появился в дверях? Конечно же та самая тётя Валя!

Она неодобрительно посмотрела на мою почти нетронутую гору блинов, потом на меня.

— Очень вкусные блинчики! — доброжелательно сказала я.

Валентина скривилась и прошла мимо — на кухню.

Эх, повар - самый важный человек в доме, а мне не удалось наладить контакт!..

За Валентиной в дверях показался Демьян.

— Собака на улице. У меня куча дел, так что я в кабинете.

— Демьян, я могу что-то менять? В расписании Ляли или... в доме? — спросила я, снова краснея.

— Да, делай, что хочешь, только Лялю не балуй.

Ляля в ответ показала ему язык.

Так мы с моей хитрой сладенькой подопечной оказались вдвоём.

— А покажешь, где у тебя школьный уголок? Стол, полочки, рюкзак? Посмотрим, всё ли готово к первому сентября, — миролюбиво спросила я Лялю.

И после завтрака мы как раз отправились в её комнату, полную плюшевых зверей, кукольной мебели и розовых бабочек. В углу — крошечный столик с раскрасками. В шкафу — платьица 5-6 лет, носочки с мишками. Всё — абсолютно не для первоклашки.

— А для школы что-нибудь покупали? — спросила я осторожно.

— Горыныч сказал, всё в школе дадут. Но это не точно, — ответила Ляля.

Да... Ну носочки белые же там не выдадут!

— Ладно, сейчас мы у Демьяна узнаем, что дадут, а что нет. А пока Расскажи, пожалуйста, как давно ты с этой железной дорогой играла? — я указала на штурковину, которая занимала добрую треть комнаты.

— Давно, там батарейки сели, неинтересно!

— Так может уберём её? Места больше станет, — улыбнулась я.

Ляля неуверенно кивнула.

Так началась наша операция по превращению комнаты малышки в комнату первоклашки. Некоторые игрушки мы с Лялей решили отдать нуждающимся детишкам, маленькую по размеру одежду уложили в большую коробку, которую нам раздобыл охранник Миша, который пришёл в одиннадцать утра и обрадовал нас новостью, что Ляле пора на прогулку.

Вот этот Миша и попал.

Он спустил на первый этаж детский столик, из которого Ляля давно уже выросла. Передвинул кровать, унёс игрушки, которые девочке ну никак не подходили по возрасту... Ну какие пирамидки в семь лет? Это же совсем для малышек!

Когда мы относительно разгребли завалы и освободили место для школьных вещей, я отправила Мишу и Лялю во двор — гулять и играть, а сама пошла к источнику всех школьных недопониманий.

Демьяну. Выяснить, что всё-таки малявочке нужно для школы!

Я подождала, пока он кого-то закончит громко увольнять по телефону, и только потом постучалась.

— Заходи! — рявкнул он.

Я открыла дверь и бочком протиснулась внутрь.

— Я про школу узнать...

— А что про неё узнавать? — как-то недовольно спросил он.

— Нам срочно нужен шоппинг. Всё, что у Ляли есть — для детского сада.

— А что, большая разница? — с сомнением спросил Демьян.

— Конечно! У нас ни формы, ни обуви, ни рюкзака. Даже стол маленький. Ей нужна парта и лампа яркая, чтобы уроки делать.

У нас.

Как-то быстро я в эту семью влилась.

Демьян из угрюмого превратился в довольного.

— Мы в комнате лишнее поубирали, — неуверенно сообщила я, всё ещё волнуясь, что меня за эту самостоятельность отругают. — Одежду, которая мала, игрушки, которые уже не по возрасту... но теперь нам нужен шоппинг!

Демьян молча встал, взял со стула пиджак и подошёл ко мне, осторожно приобнимая за талию.

— Ты права, Снегурка, поехали.

Глава 13. Шоппинг

Всю дорогу до магазина Ляля засыпала меня вопросами.

— А игрушки там будут?

— А учительница строгая?

— Как это сорок пять минут сидеть на месте?

— В каком смысле четыре раза по сорок пять минут?!

Я отвечала честно, но старалась не пугать — наоборот, обрисовывала школу в приятных тонах. Потому что, как выяснилось, никто особо с ней про первое сентября и не разговаривал. Всё, что она слышала — это:

«Будешь умничкой — и пойдёшь в самую крутую школу!»

Теперь вот за два дня до этой самой «крутой» школы всё и разруливай.

Часть вопросов я деликатно переадресовывала Демьяну — ну а что, я откуда знаю, какая у них форма и как зовут учительницу?

И, надо признаться, Демьян в ответах тоже... плавал.

Он, кажется, считал, что раз уж заплатил вступительный взнос, то вместе с ним оплатил и решение всех проблем.

— Эм... ну... в общем, комфорт и высокий уровень безопасности, — бодро докладывал он.

— Это ты из рекламной брошюры прочёл?

— Да, — без капли стыда признался он.

Я прикрыла глаза рукой и попыталась снять с него розовые очки.

— Демьян, ты понимаешь, что переход в школу — это не просто «смена локации», это изменение всей семейной динамики.

— Это ты всё книжек своих начиталась? — спросил Демьян, приподнимая бровь.

— Да, я же не только любовные романы озвучивала! Хотя они порой полезней всякого там нонфикшена, где одна идея размазана на семь часов аудиокниги...

Он задумчиво кивал.

— Эй! Ты с темы не съезжай! — возмутилась я. — Школа это изменение всего. Сон, еда, режим, кружки, адаптация, мотивация, школа жизни, наконец!

— А ещё — психологическая нагрузка! — подхватила Ляля с сиденья напротив.

Мы с Демьяном синхронно повернулись к ней.

— Ты откуда это слово взяла? — спросил Демьян.

— Из Тик-Така. Там тётя про тревожность рассказывала.

Мы переглянулись.

— Солнышко, а про что ещё там рассказывали? — ласково спросила я.

— Ну про танцы, пистолеты, собачек, как печь сладости...

— Какие ещё пистолеты?! — нахмурился расслабившийся было Демьян.

Да, похоже придётся и на счёт соцсетей с Лялей тоже поговорить...

Когда мы вошли в магазин, я поняла, что это не просто гипермаркет. Это был храм потребления, шоппинг-мекка для богатых, уверенных в себе родителей и их сверкающих отпрысков.

Демьян тут же расправил плечи и включил режим генерального спонсора экспедиции.

— Девушка, здравствуйте, нам нужно всё по списку, — сказал он и протянул смартфон ближайшей ассистентке. — Но выбрать будут вот эти две леди, — кивнул на нас с Лялей.

Секунда — и в глазах продавщицы зажглась вся рождественская иллюминация Москвы. Ещё бы... вот и я наверное так же смотрю на Демьяна. Этот мужчина что-то делает с женщинами... одним только своим присутствием.

— Конечно, конечно, с удовольствием! — тоненько пропела ассистентка и сфотографировала список с экрана. — Пройдёмте, у нас сейчас как раз отличная коллекция скандинавской мебели, потрясающие пеналы с акварельной вставкой и лимитированные тетради с героями современных мультфильмов.

— Не надо мультики, — хмуро ответила я, а потом посмотрела на Лялю. — У нас взрослый серьёзный ребёнок.

Ляля даже приосанилась от такой характеристики, видимо не часто её раньше хвалили.

В общем началось всё вполне мирно.

Мы отправились путешествовать по аллеям магазина, Ляля выбрала рюкзак с крыльями, пенал в форме кости (чтобы напоминал о Каве), а потом зависла на витрине с ручками, которые светятся, поют, переливаются и, кажется, иногда варят кофе.

Я вздохнула.

— Ладно, солнышко, выбирай, но давай не больше трёх!

Демьян в этот момент изучал брошюру по настольным лампам как будто это инструкция по сборке ядерного реактора.

— Да, а я думал, что самое сложное мы с Лялькой уже прошли...

— Это только начало, — мрачно ответила я.

Хотя, если честно, мне самой всё это нравилось. Выбирать вещишки, анализировать, что пригодится, а что просто маркетинговые уловки...

В итоге мы и лампу выбрали. Вместе с Демьяном кстати...

И всё бы шло прекрасно, если бы не отдел детской мебели.

Там нас ждала *Катастрофа*.

Продавщица в общем милая девчонка, и я ничего против неё я не имела. Кроме одного. Она очень... очень старалась понравиться Демьяну.

Это не мой мужчина. У него нет трудового договора с пунктом о том, что он не может вступать в близкие отношения с посторонними, поэтому у меня не было ровным счётом никаких прав на неё злиться. Демьян мужчина видный.

Но она ТАК старалась ему понравиться, что забыла, зачем вообще ходит с нами по магазину! В общем флиртowała так... нагло, что кровь у меня вскипела.

— Вот эта модель идеально подойдёт для вашей девочки... — томно глядя на Демьяна, предложила она детский стул на колёсиках. — Сами попробуйте! Садитесь!

Она пододвинула стул к коленям Демьяна с таким видом... Ну будто прямо сейчас усадит его и начнёт танцевать приват, задрав узкую юбку карандаш прямо на его коленях!

— Простите, но стул слишком высокий, — влезла я, останавливая это безобразие.

— Модель сертифицирована и очень популярна, — с усмешкой кинула она, даже не глядя на меня.

— А вы знаете, какая высота стула должна быть у ребёнка при росте 120–125 см?

— Ну... — продавец сложила губки бантиком.

— А как должны располагаться локти относительно столешницы? — не унималась я.

— Эээ...

Кажется только сейчас до девушки дошло, что что-то не так! Но мой танк было уже не остановить...

— А вы знаете, что неправильная посадка провоцирует нарушение осанки, головные боли и даже трудности с концентрацией?

Она закатила глаза.

ЗАКАТИЛА НА МЕНЯ ГЛАЗА!

— Вы, наверное, из этих... тревожных мамочек? — спросила с усмешкой.
— А вы, наверное, из этих — некомпетентных?
— Ого! — прошептала Ляля. — Сейчас будет драка?
— Сейчас будет другой ассистент, — заявила я, скрестив руки на груди.
— Давайте я просто... — начала она, но я уже перехватила инициативу.
— Мне нужен тот, кто поможет выбрать мебель, а не строит глазки моему...
Я замялась.
— Мужу, — с видом триумфатора вставил Демьян и обнял меня за талию.
Я ошарашенная. Но не возразила.

— Мужу, — чётко повторила я.
Ассистентка покраснела и, наконец, ретировалась.
— Ты с ума сошёл? — прошипела я, когда мы остались одни. — Ты зачем это сказал?
— Что именно? — изобразил он невинность.
— “Муж”!
— Ты так отстаивала высоту стула. Не смог удержаться. Знаешь... может, ты мне в офисе действительно годишься. Вдруг у нас там всё не по ГОСТу!

— Про ГОСТ я книжек не читала, только про подготовку к школе, — буркнула я.

К нам подошёл новый консультант — мужчина лет сорока с профессиональной улыбкой и измерительной рулеткой. За пять минут мы выбрали регулируемый стул с поддержкой спины, нормальный письменный стол с надставкой и полочки для канцелярии и тетрадок. Всё — с расчётом на рост, освещение и перспективу, будто Ляля уже защищает диплом, а не идёт в первый класс.

— А не много ли? — спросил Демьян, оглядывая наши покупки.

— Это базовый стартовый набор для школы, — тоже несмело ответила я. Как-то не ожидала, что так много получится...

— Это больше, чем у меня было в ВУЗе, — заметил он.

А я вдруг увидела стенд с колготками:

— Белые носочки! Точно!

Ляля под конец шопинга притомилась, сидела в тележке среди пакетов, как маленькая королева школьной канцелярии.

— А можно мне теперь мороженку? За храбрость? — спросила она, уткнувшись мне в плечо.

— Я за, — сказала я, уже обнимая её. — Только после обеда.

— А что на обед? — с надеждой спросила малышка.

— Что-нибудь полезное, — с усмешкой ответила я.

— Горыныч! — жалобно потянулась она к Демьяну. — Я передумала идти в школу!

Мы рассмеялись, и я поймала взгляд Демьяна. Тёплый. Серьёзный. Не оценивающий, не раздевающий, не вождедеющий...

А будто он увидел во мне что-то настоящее.

И я... на секунду испугалась.

Ох неправильно я свою работу начала... Вот что значит не профессионал. Няни же обычно должны держать дистанцию? Ну если не с детьми, то с их родителями уж точно?

А я... я опять всё сделала не так.

Ляля доверчиво сжала мою руку.

— Поехали домой? Стол собирать!

И я не смогла ничего сделать — улыбнулась ей в ответ и чмокнула в сладкую макушку.

— Поехали.

Только вот вещей было столько, что все в минивэн они не влезли, и даже в машину сопровождения не влезли (парни были в шоке, когда им в салон премиальной тачки засунули детский стул (с шикарной поддержкой спины!)).

Доставку можно было оформить только на послезавтра, а Ляля очень хотела получить новые вещички прямо сейчас, так что...

— Ляля едет домой с Мишей, так безопаснее. А мы с тобой доберёмся своим ходом, — сказал Демьян мне, и между нами снова заискрило...

Ляля весело помахала мне из машины, в багажник уложили последние пакеты...

Машина тронулась.

И мы с Демьяном остались вдвоём.

Глава 14. Не стоило...

На парковку торгового центра стремительно опускались сумерки.

— Поужинаем? — спросил Демьян, глядя на меня тем самым взглядом, от которого по моему телу разбегались мурашки удовольствия.

Скажи “нет”, Саша! Просто скажи “нет”...

— Как относишься к китайской кухне?

— Нет... — выпалила я и тут же сообразила, что получилось уже не в тему.

Он чуть приподнял бровь.

— Не любишь?

— Люблю!

И я тут же прикусила язык. Молодец, Саша. Рядом с ним ты становишься просто мастером общения!

Уголки его губ дёрнулись, но он промолчал. Вместо этого взял меня за руку — не спросив, не объяснив — и уверенно повёл через дорогу к ресторану с красными фонариками у входа.

— С тобой только так и надо, — пробурчал он, но я предпочла сделать вид, что не услышала.

В ресторане было тихо и уютно. Лёгкий аромат имбиря и соевого соуса витал в воздухе. Мы выбрали столик скрытый от других посетителей большими кустистыми растениями — немного в стороне, как бы за ширмой — и усадились напротив друг друга. Столик был небольшим. Ноги случайно (или не случайно?) соприкасались.

Официант принёс меню, и я зависла. Названия блюд выглядели как набор случайных букв — «Баоцзы», «сяолунбао», «ганьбянь ньорау»... Чтаааааа?

— Не паникуй, — усмехнулся Демьян, глядя в меню. — Я помогу. Рис или лапша?

И он правда помог с выбором. И я поймала себя на мысли, что мне с ним комфортно! Жарко, волнительно, страшно, но... комфортно. Будто рядом с ним мне ничего не грозит.

— Ты справился, — сказала я, немного расслабляясь, когда официант от нас отошёл. — Ляля в восторге.

Он посмотрел на меня. Глаза — не стальные, как раньше, а мягкие. Тёплые. Такие, в которых хочется утонуть, хотя знаешь, что плавать ты не умеешь.

— Я бы не справился без тебя.

Я замерла.

— Ну, — сглотнула я. — Я же... няня.

— Слишком хорошая няня, — хрипло усмехнулся он.

Я попыталась отвести взгляд. Сделать вид, что ничего особенного не сказала. Не услышала. Не поняла.

Но было поздно. Это прозвучало... слишком честно. Слишком тепло.

Молчание между нами стало тягучим, как мёд, но оно не было неловким — тёплое, густое, сладкое. Оно пульсировало где-то внутри, за ребрами, за линией здравого смысла...

Просто поужинаем и разойдёмся, да?

Я потянулась за стаканом с водой — и случайно коснулась его ноги своей. А он... обхватил моё колено ладонью под столом!

— Всё хорошо? — невинно спросил.

И в этот момент к нам снова подошёл официант.

Я открыла рот в беззвучном возмущении, а Демьян тем временем начал выводить круги на внутренней стороне моего бедра! Медленно. Неторопливо. Уверенно. Как будто знал, что делает. Как будто знал, что мне точно понравится.

Чёрт.

И мне нравилось...

— Хотите... чай? — спросил официант с акцентом, и я кивнула, так и не поняв до конца, что за чай он предлагает.

— Молочный улун, — уточнил Демьян за нас обоих. Голос у него был бархатным, спокойным — будто его рука не делала... всего того, что делала!

Ему пришлось подвинуться поближе.

Я машинально прикусила нижнюю губу. Попыталась собраться. Поднять глаза. Дать отпор.

Внутри меня разгорелся хаос. Это было безумие. Абсолютно, стопроцентно непрофессиональное поведение. Я няня! А он...

Он продолжал смотреть на меня. Молча. Глаза чуть прищурены, губы едва заметно двигаются.

— Демьян... — прошептала я.

— Да?

— Может прекратишь?

— Что именно? — его голос стал ниже. Опаснее.

— Меня трогать, — выдохнула я.

— Нет, — просто ответил он. — Не хочу.

— Но...

Его тёплая рука двинулась выше. У меня сбилось дыхание.

Он чуть наклонился, приблизился настолько, что его слова будто коснулись моей кожи:

— А ты, Саша, чего не хочешь ты?

Я сглотнула. Всё внутри меня горело, бушевало, пульсировало.

Тяжелое молчание опустилось между нами.

Я не знала, что сказать. Внутри всё перевернулось. Сердце стучало где-то в горле. Воздуха стало меньше. Пространства — тоже. Только мы, только этот столик.

Он знал, что делает.

— Так не надо?

Он придвинулся ко мне и провёл пальцами по шву моих джинсов со внутренней стороны бедра — выше.

— Да, — выдохнула я.

— И так? — хрипло спросил он, вдруг сжимая меня там, где пульсировало больше всего.

Я едва не застонала.

— Да... то есть нет... не надо так! — прошептала я, отстраняясь на сантиметр. Полсантиметра. Меньше.

Даже не от него. От себя. От того, что творилось внутри. От желания, которое почему-то было очень острым, живым, настоящим...

— Саша, — он снова произнёс моё имя. Так, как не произносил его никто. Словно пробовал на вкус. И словно каждый раз обжигался.

— Мы не можем, — выдохнула я. — Я... я же у тебя работаю.

Он кивнул.

— Да.

Но руку не убрал, и его большой палец будто жил своей собственной жизнью.

— Ты — няня моей племянницы.

Пауза.

— А я — мужчина, который хочет тебя.

Я вздрогнула.

— Ты же понимаешь, как это... неправильно?

— Абсолютно.

— И ты всё равно...

— Да.

Он не торопился. Не давил. Его прикосновения стали чуть мягче. Ласковее. Он ждал. И я вдруг поняла: он будто приручал меня, будто ждал не того что я скажу “да”. Он просто ждал, когда я перестану говорить “нет”.

— Едем домой?

— Да, — ответила я снова, почти не слыша собственного голоса.

И ощущение было, что это “да” сразу на все его вопросы.

Он довольный отстранился, откинулся на спинку кресла, махнул официанту.

— Упакуйте с собой.

И повернулся ко мне:

— Мы доедим дома.

И прозвучало это, будто говорили мы не про еду.

Официант быстро подготовил для нас аж три бумажных пакета с упакованной едой, Демьян подал мне руку и помог выйти из-за стола. И мне было приятно просто находится рядом с ним. Таять маленьким кусочком масла в его властной и заботливой ауре.

У выхода нас уже ждала машина — чёрная, блестящая, с матовыми дисками и непрозрачными окнами. Водитель молча открыл дверь. Я моргнула — и уже оказалась внутри.

Дверь захлопнулась. Пространство сузилось. Воздух уплотнился.

Демьян сел рядом. Но дотронулся не сразу — сначала просто смотрел. Будто давал время нам обоим.

И я знала, что должна отстраниться. Дать сигнал “стоп”.

Но я ничего не сделала.

Он медленно поднял руку и провёл пальцами по моей щеке — нежно. Я прикрыла глаза. Даже если через минуту всё закончится, мне хотелось запомнить это прикосновение. Большой палец скользнул к губам и задержался. Он взял меня за подбородок — бережно, но не оставляя выбора — и вдруг его рука обхватила меня за талию.

Я широко распахнула глаза.

Демьян притянул меня к себе.

Мир просто исчез. Остались только я, он и салон этой машины.

Поцелуй обрушился на меня, как шторм.

Он был не мягкий. Не нежный. Он был как сам Демьян.

Его губы накрыли мои с жадой, с властью, будто он всё это время держал себя в цепях, а теперь дорвался, почувствовал свободу. Его рука сомкнулась на затылке, пальцы запутались в моих волосах.

Он держал меня — крепко, не отпуская. Держал так, будто я могла исчезнуть, отпусти он меня хоть на мгновение.

И в каждом его касании чувствовалось, что он знал, чего хочет. И был уверен, что он это получит.

А я... я просто стала глиной в его руках. Не помню, как оказалась у него на коленях. Не помню, как так получилось, что я постанывала в его губы от того, как откровенно его твёрдость упиралась мне между ног. Не помню, как он снял бретельку моей майки и почему его губы накрыли мою грудь...

Я задыхалась. Я горела.

А он целовал — не торопясь, методично, с какой-то почти пугающей нежностью, как будто заклинания произносил, как будто всё это — странный древний ритуал, где каждое движение наполнено смыслом.

Он шептал что-то мне на ухо, в волосы, в висок. Слова были бессвязные — а я в них тонула.

Он вел, а я... я забыла, как дышать.

Машина замедлилась.

Остановилась.

Он не сразу отстранился от меня. Поправил мою майку, убрал волосы мне за ухо.

— Приехали, — хрипло выдохнул он мне в губы, легко коснувшись их своим дыханием.

Я повернула голову к окну.

И замерла.

Перед нами возвышался стеклянный подъезд. Современный жилой комплекс. Никаких охранников. Никаких ворот. Никаких детских игрушек на газоне.

Мы... мы не домой приехали!..

Глава 15. Китайская кухня

Демьян вышел из машины и обошёл авто, чтобы открыть мне дверь.

Всё это время я сидела, как ледяной водой облитая.

То есть снаружи-то я замерла с открытым ртом и зацелованными губами, а вот внутри... мне вдруг стало всё кристально ясно.

Что ты там навывдумывала, Саша?

Очнись. Он не домой тебя привёз. Он привёз тебя в трахательную квартиру. И скажи спасибо, что над подъездом не висит неоновая вывеска «Квартиры посуточно».

Ты для него — просто эпизод. Лёгкая интрижка. Девчонка с милой мордашкой, которая неожиданно оказалась рядом. Ничего серьёзного. Ничего личного. Просто «была у нас одна няня» — расскажет потом друзьям на рыбалке в элитном глэмпинге.

Я ему — никто. Да и он мне. Какой он? Добрый? Злой? Какую еду любит? Что он пережил? Какие у него планы?

Я же ровным счётом ничего о нём не знаю! Ну помимо того, что от одного его вида у меня коленки дрожат...

Дверь передо мной открылась, Демьян снова подал руку. Но я не пошевелилась.

— Идём? — Он заглянул в салон.

Я покачала головой из стороны в сторону.

— Сашка, ты хочешь, чтобы я взял тебя прямо в машине? — голос у него стал чуть хриплым, но сдержанным. А эмоции на лице было сложно прочитать, видимо, слишком много там было всего намешано.

Я снова покачала головой.

— Не хочу. Вообще ничего не хочу. И туда не пойду, — я кивнула на стеклянный подъезд с кодовым замком и безликим интерьером.

Он стиснул челюсть.

— Меня не было рядом десять секунд. Что ты успела там у себя в голове напридумывать?

Я открыла рот... и закрыла его.

Он вздохнул.

— Двигайся.

Я тут же сдвинулась на соседнее место, а Демьян сел на моё. Дверь за ним захлопнулась.

— Слушаю, — коротко бросил он.

— Я осознала, что мы совершаем ошибку, — выдохнула я.

— Правда? — усмешку в его голосе было сложно не заметить.

— Да, нам будет сложно работать вместе, если мы... если мы...

Он вопросительно поднял бровь.

Я слотнула.

— Пере...

Господи, Сашка, да скажи ты уже это слово!

— Переспим.

Я покраснела и опустила взгляд.

Он немного откинулся назад, глядя на меня.

— То есть ты решила подумать об этом *сейчас*? Уже после того, как двадцать минут стонала мне в рот.

Я зажмурилась. Как же стыдно!

— Я не стонала... — пропищала я.

Он вдруг взял мою руку и положил себе на пах, туда, где под брюками скрывалось внушительное достоинство. Я в испуге попыталась отдёргнуть ладошку, и он отпустил.

— Я хочу тебя, девочка. А с остальными проблемами мы как-нибудь справимся.

— Нет!

— Думаешь, не справимся? — уточнил он.

— Думаю, что ничего сейчас между нами не будет! — смело заявила я. — Вы — мой работодатель. Я — ваш наёмный сотрудник. Я вам должна огромную сумму, которую обязана отработать честно. И, к вашему сведению, мне по трудовому договору запрещено вступать в интимные отношения с... с кем бы то ни было!

Демьян чуть прищурился.

— С кем бы то ни было, кроме меня! — прорычал он. — Законопослушная ты моя.

Он наклонился ко мне ближе, но я отодвинулась в сторону и выставила вперёд руку.

— Я буду жаловаться!

— Кому?

— В профсоюз нянь России!

На секунду он замер. А потом... разразился смехом. Этот суровый огромный мужчина разразился смехом.

Громким, искренним, настоящим. Он смеялся так, будто ничего смешнее в жизни не слышал.

И это было заразительно.

Я попыталась сдержаться... но не смогла. И сама рассмеялась.

— Ну чего ты испугалась, маленькая? — спросил он ласково, когда мы оба успокоились.

— Я...

Страшно было откровенничать.

Я сглотнула.

Хватит юлить, Сашка. Надо сказать.

— Ты?

— Для меня это большой шаг, — сказала я, а горло пересохло.

Он подался вперёд и, прежде чем я успела опомниться, сгрёб меня в охапку и усадил на свои колени.

В голове всё смешалось.

— Секс это большой шаг? Или что?

Я кивнула, избегая его взгляда.

— У тебя было не много партнёров, да? — спросил он, будто действительно пытался меня понять.

Я кивнула.

— Сколько? — безжалостно спросил Демьян, но не с насмешкой — скорее с каким-то странным напряжением.

Я замялась. Ну не говорить же...

— Немного.

— Немного это меньше десяти?

Десяти! Да он издевается?!

— Меньше пяти? — с сомнением спросил он.

— Немного это ноль, — прошептала я, так тихо, что в шумной машине это прозвучало почти как исповедь.

Он замер. И наступила такая тишина, будто даже улица за окном замолчала.

— Саша... — он сказал это как-то очень по-другому. Тихо. Ровно. Осторожно. — Скажи это ещё раз. Чтобы я понял, что не ослышался.

Я глубоко вдохнула.

— Я не... у меня... ещё не было никого.

Он медленно, очень медленно провёл рукой по моей щеке, задержался на подбородке и заставил меня посмотреть на него.

— И ты, значит, решила, что я для первого раза не подхожу?

— Я решила, что не нужен мне никакой первый раз, — ответила я и отстранилась от его руки. — Мне и так хорошо. И отношения сейчас будут не в тему. Тем более с тобой.

— Секс и отношения это разные вещи, — он приподнял бровь.

Да как он это делает всё время? Кажется, что когда его бровь опускается, весь мир тоже немного съезжает вниз к его ногам.

— Для тебя да, — я смело посмотрела ему в глаза. — Именно поэтому ты и привёз меня сюда.

Я кивнула на подъезд.

— Так вот что тебя триггернуло, — усмехнулся он.

И, прежде чем я успела что-то сказать, добавил:

— А ты бы предпочла лишиться девственности в доме, где за стенкой спит Ляля?

Я вспыхнула.

— Да, я вожу сюда девушек. Потому что не хочу, чтобы Ляля их видела.

Ну вот он и сказал это.

Ой ну почему же так больно-то а?

Внутри что-то надломилось — и каждый новый вдох отдавался скрипом внутри.

Не реветь. Не реветь. Не реветь сказала!

— Саш, ты чего?

Я резко отвернулась к окну, смахивая непослушные слёзы и отсела на соседнее сиденье, соскочив с его колен.

— Ты чего расстроилась? Из-за девушек?

— Нет! — выпалила я.

— А из-за чего тогда?

Он обнял меня сзади за плечи, а мне из-за этого ещё сильнее плакать захотелось!

— Просто пылинка в глаз попала, — хрипло сказала я.

Он обнял крепче.

— Я не хотел тебя обидеть, снегурка.

Я всхлипнула.

Всё-таки в его объятиях хорошо... А от этого плохо.

И тут, как-то совсем невольно у меня заурчало в животе.

Демьян снова засмеялся, и от вибрации, которая родилась где-то в его груди, мне стало так уютно...

— Ладно, снегурка, нарушим святое правило Бори, пока у него выходной.

И он разомкнул объятия, отчего сразу же почувствовался холод и одиночество.

Демьян вышел из машины и тут же вернулся обратно — с пакетами из китайского ресторана...

— Сейчас у нас будет пир! — объявил он с такой гордостью, будто принёс не лапшу в коробке, а олимпийское золото.

Повернулся к охране:

— Парни, едем домой.

Я сняла кроссовки, устроилась с ногами на сиденье. Демьян распаковывал коробочки, пахло аппетитно. Он подал мне палочки.

— Я ими не умею есть, — тут же сказала я.

— Так и быть, — хмыкнул он. — Накормлю тебя сам. Не оставлять же девочку голодной.

Он с лёгкой ухмылкой поднёс к моему лицу кусочек лапши. Я поймала его губами... и случайно встретила его взгляд.

Тёмный, опасный.

— Обожаю китайскую кухню... — хрипло сказал Демьян.

И спустя пару минут мы снова оба смеялись, потому что кусочек курицы в оранжевом соусе упал прямо мне на грудь, а Демьян безуспешно пытался это предотвратить...

Еда, как и весь ужин в целом, оказалась немного островатой и необычной, но очень вкусной.

— Саша... — вдруг спросил он.

— М-м?

— А если бы я не повёз тебя в ту квартиру...

Я застыла.

Он повернулся ко мне — серьёзно, без ухмылки. И спросил:

— Ты бы согласилась?

Глава 16. Бардак вселенского масштаба

Всё время пока мы ехали, я смотрел на неё. На то, как она сидела, сжав колени, прикусывала губу, старалась не встречаться со мной взглядом. Как смущённо смеялась, когда я кормил её китайскими палочками, как осторожно поглядывала на меня из-под ресниц.

Девственница. Надо же. Мне такие с юности не встречались.

Милая, нежная, весёлая.

Когда соус с лапши попал ей на губы, и она его слизнула...

П...ц.

Это была серьёзная проверка моей выдержки.

А она ещё устроилась с ногами на сиденье в этих своих чёртовых джинсах, которые будто созданы, чтобы сводить меня с ума.

Надо срочно перестать думать о том, как раздвину эти колени. Как она выгнется под мной, когда войду. Как запутаю пальцы в её волосах, а она захлебнётся моим именем.

Я видел всё это так отчётливо, что пальцы сжались в кулак.

Саша наклонилась, чтобы убрать коробку в пакет, а в вырезе её блузки виднелась небольшая, но сочная грудь...

Я готов был взвыть.

И ведь эта ходячая катастрофа даже не думала, как сексуально выглядит! Просто была самой собой.

Будто под меня сделанной. Обжигающая мысль, конечно.

Такая тёплая, с покрасневшими щеками и растрёпанными волосами. Перед глазами всплыло то утро, когда Кава забрался к ней в кровать. Какая она была нежная, сладкая...

А какой будет, когда кончит?

Я с силой сжал зубы.

Саша собрала мусор в один пакет, а оставшуюся еду в другой. Заботливая, хозяйственная...

Глаза блестят. И губы эти влажные. Сожрать хочется. И взгляд — испуганный, но при этом доверчивый. Будто учится доверять мне. Зря, конечно.

Я к таким девушкам не привык. Ей бы бежать от меня.

Я привык к прожжённым сучкам, которые знают, чего хотят. И чего от них хочу я.

А эта...

Вопрос сорвался с губ без разрешения.

— А если бы я не повёз тебя в ту квартиру... ты бы согласилась?

Она замерла.

Нахер спросил? Не знаю. Обычно я не склонен к размышлениям “а что было бы, если...”

— В какой-то момент я бы всё равно остановила тебя, — сказала она тихо, будто извиняясь.

Глаза опустила смущённо.

Захотелось обнять, притянуть к себе, убедить, что больно будет только немного, а потом будет хорошо... Я бы сделал ей хорошо прямо в первый раз, чтобы впечатления от секса остались сразу приятные. Первый раз всё-таки важная штука.

Бля-я-я... Демьян, что за розовые сопли? Ты куда поплыл нахер?

Я сжал челюсть.

Машина остановилась у ворот. Я вышел, отобрал у неё пакеты, самостоятельная какая, потащила их куда-то.

И тут — визг.

— Даяаяая! Горыныч!

Ляля вылетела во двор с присущим ей размахом.

Я напрягся, знаю я, когда эта мелочь такая добренькая, она что-то натворила.

— Наконец-то вы приехали! У меня не получается собрать стол! Он распадается на куски, помогите!

— Как это? — спросила Саша, забавно хмуря брови.

Я усмехнулся.

Вот не до конца она понимает степень хитрости своей подопечной.

— Веди, — сказал я Ляле хмуро.

Та притихла, ну значит, дело плохо.

И как только мы трое вошли в детскую, я беззвучно выматерился.

— Ляля!..

В комнате царил хаос: куча деталей, винтов, болтов, шурупов. Содранная упаковка со стула, стола, лампы, раскиданные тут и там новые и старые вещи.

Полная катастрофа. И Ляля посреди этого бедлама с виноватым видом.

— Я хотела сама... — пробормотала она. — Но оно всё время ломается.

— Мы с Демьяном сейчас всё соберём, котёнок, — ласково сказала Саша.

Я вздохнул, молча стягивая пиджак и закатывая рукава.

В комнату постучала Валентина.

Её цепкий взгляд сначала неодобрительно примагнитился к Саше, надо будет поговорить с ней об этом. Хватит девчонку кошмарить. Потом по бардаку, и к Ляле.

— Водичка готова, пошли купаться.

Ляля просияла.

И ведь подстроила всё, мелочь хитрая!

— Иди, — гаркнул на неё я.

Ляля подошла, подпрыгнула и чмокнула меня куда-то в щёку.

— Ты лучший Горыныч на всём белом свете.

— Иди, пока не получила за бардак.

Малая выскользнула за Валентиной.

— Она хотела как лучше, — виновато развела руками Саша.

Я вздохнул.

— Ты ещё плохо её знаешь.

Саша подняла с пола инструкцию.

— Я помогу.

На это и был расчёт мелкой. Я ещё с Кавы понял, что она что-то замышляет...

И если по-взрослому, по-серьёзному, то надо отправить сюда парней — пусть собирают, всё равно на территории достаточно персонала для защиты границ.

Но...

— Так, пункт первый... — голос Саши чуть дрожал, когда она пыталась вникнуть в схему. — Тут... всего-то надо... эээ... соединить вот это с этим.

Я взял бумажку, чтобы разглядеть деталь, поднёс ближе к глазам. Она встала на цыпочки, потянулась, чтобы показать пальцем. Её рука скользнула по моей.

Обычное случайное касание. Но мне хватило, чтобы снова ощутить это собственническое: она — моя.

Нет, не буду я пока звать парней.

— Ищи эту деталь, — сказал я хрипло, показывая на изображение болта. — А я поищу эту.

Она вскинула на меня глаза. Огромные, блестящие.

Нет, девочка. Долго ты девственницей в этом доме не пробудешь.

Я тебя приручу и присвою.

— Нашла? Держи отвёртку, буду тебя учить продолговатыми предметами управляться.

18+ *Ненавижу тебя, мажор!* <https://litnet.com/shrt/DjXV>

— Я предлагаю сделку, — сказал он, нагло обводя мою фигуру взглядом.

— Не заключаю сделок с дьяволом, — ответила я, крепко держа полотенце на груди.

— Разве я дьявол, Солнце? Я — Верх, это гораздо хуже.

Моя тётя запятнала репутацию Вершининых. Но Верх не из тех, кто прощает.

Стас уничтожит мою семью, если я не сыграю по его правилам, но... правила имеют свойство меняться, особенно когда в игру вступает любовь.

Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/DjXV>

Ляля

Я просто хотела помочь.

Ну правда!

Нашла коробку, разобрала всё по кучкам... ну почти.

Болтики немного рассыпались, стол оказался капризным, а инструкция — явно для взрослых.

Но я старалась!

А потом пришли взрослые, ахнули, закатали рукава и начали собирать.

А может, это и был мой коварный план?..

Ничего не знаю, мне нужна полноценная семья!

И Каве тоже!

Ведь ему тоже нужно, чтобы его любили, гладили и кормили вкусняшками.

А когда он обнимается своими огромными лапами, я знаю — у него самое большое сердце на свете.

Поэтому ему непременно нужно подружиться с Сашей!

Кто лучше всех гладит за ушком? конечно же мама!..

Прода уже в полночь!..

Как вам наши герои?))

Глава 17. Прокручивай

Никогда не думала, что собирать детскую мебель может быть так горячо.

Во-первых, мой работодатель снял рубашку.

В общем, после этого никаких “во-вторых” не надо, мой мозг просто отказал в работе.

Я застыла, вдохнув и так и не выдохнув.

— Я тебя смущаю? — спросил Горыныч, вешая снятую рубашку на розовое креслице.

— Немного, — ответила я, сглотнув.

— Ну раз немного, — ответил он, и я клянусь, у него в глазах горели бесовские огонёчки!

Он подал мне отвёртку и детали, а потом наклонился надо мной, показывая, как их соединить и, простигосподи, скрутить.

Вот с прикручиванием у нас совсем не пошло.

Точнее пошло. Пошло очень... пошло.

Сначала я попыталась сделать это сама, но отвёртка прокручивалась, никак не желая, заворачивать этот мелкий железный болтик.

— Надавить надо, снежинка моя, — сказал Демьян и опустил свою горячую большую ладонь поверх моей.

Это было чертовски волнительно.

Я чувствовала, как у него под пальцами напрягаются сухожилия, когда он держит отвёртку... Запах его парфюма смешался с ароматом свежей древесины — и это было опьяняюще.

Убери руку. Скажи “нет”. Сделай хоть что-то, Саша!

Но тело меня не слушалось.

Я не знаю, как так получилось, что я сидела на полу детской практически в объятиях Демьяна.

Демьян...

Какое же имя у него хорошее...

В объятиях полуголого Демьяна, надо сказать!

Сашка, что же ты творишь?! Ты же себе зарок дала держаться от него подальше. На сколько тебя хватило? Десять минут! Не больше...

Его грудь касалась моих лопаток. Она была горячее. Он весь был очень горячим. Его пальцы сплелись с моими, руки уверенно держали, а каждый его вдох и выдох жаркой волной расплзался по моему телу.

За дверью Валентина громко что-то говорила Ляле, а у меня внутри грохотал собственный пульс.

— Не дыши так, Снежка, — хрипло сказал он. — Иначе быстро окажешься подо мной.

— Как? — спросила я, ощущая его собственное дыхание, щекочущее заднюю поверхность моей шеи. От него мурашки бежали по всему телу.

Я бы тоже ему хотела сказать — не дыши так! Только вот...

Демьян резко сгрёб все детали в сторону, обнял меня и развернул.

И вот я уже лежу на ковре, а Демьян склоняется надо мной.

Мы лежали на ковре с рисунком в виде дорожек и домиков, как на старой игре — и мне казалось, что это самая неподходящая карта для того, что сейчас происходило...

Он тяжело дышал. Очень тяжело. Его глаза стали чернее ночи.

— Я же сказал... — мягко произнёс он, а хрипотца его голоса чиркнула по моей оголённой душе.

А пальцы... он провёл ими по моим губам, приоткрывая мне рот. Нежно. И порочно.

А я пластилин. Тесто. Я взбитые сливки. Нет меня! Растворилась на кончиках его пальцев, которые теперь скользили ниже, к шее.

Что я там говорила?

Что я бы точно не согласилась? Что я бы остановила его?

Беру свои слова назад.

Демьян парализовал меня своей хищной мужественностью, этой обволакивающей с ног до головы властностью.

Да я даже не попыталась его сдвинуть!

Организм будто заполнился лавой!

Спина выгнулась по направлению к нему, к его телу, к его теплу.

Я несмело, будто случайно, положила пальчики на вздымающуюся мужскую грудь. Господи, какой горячий. Какой же он...

Одно его колено оказалось у меня между ног. Он прижал мои бёдра к полу своими. Как же сладко!..

Он хотел меня. Это я знала наверняка. Чувствовала в каждом его жесте.

И он расстёгивал мою чёртову рубашку! Это тоже о чём-то говорило!

Выдохнул через зубы, когда дошёл до моего белья.

Обвёл окружности груди пальцами, сжал, заставив меня застонать.

Снова выдохнул.

Тяжело... громко.

Его пальцы заскользили ниже, к поясу джинс.

— Н-нет, — проблеяла я, понимая, что ещё чуть-чуть — и всё, конец моей невинности. И прямо здесь, на ковре детской, между коробок и винтиков.

Он дразняще провёл кончиком пальцев вдоль пояса.

— Туда нельзя? — спросил хрипло.

Я покачала головой, потому что рот у меня был открыт, и говорить я не могла.

Демьян двинулся бёдрами, воспаменяя всё во мне, и снова сжал мою грудь.

В инструкции к столу было написано “собирайте вдвоём”, но вряд ли автор имел в виду такой способ...

— Мы в детской, ляля сейчас придёт, — выдавила я, сама же горя от желания. Единственное, чего мне сейчас до боли хотелось — это просто отдаться ему.

Боже, да я его три дня знаю! Как это всё произошло?!

— Это хорошо, — сказал он насмешливо.

И с усилием отстранился.

— Что именно? — спросила я, пытаюсь поймать дыхание.

— Что тебя беспокоит только этот факт, — усмехнулся он и...

Он поцеловал мой живот.

Влажно. Порочно. Низко — совсем у пояса джинсов.

Я запрокинула голову, тихо выдыхая стон, а этот... это... работодатель раздвинул мне ноги, пока я не очухалась!

Какой же он внушительный.

Меня накрыло его ароматом, его весом, его теплом.

— Не отпускаю, — сказал Демьян и снова толкнулся бёдрами.

Туда, где всё во мне с ума сходило от желания.

Я пискнула, сжимая его плечи.

Боже, как горячо. И как сладко! И ведь это между нами ещё почти ничего не было.

Он снова провёл ладонями вверх по моему телу...

Прижался лбом к моему, так и нависая надо мной, расположившись между моих ног.

— Ты моя, Саша — выдохнул он прямо мне в губы, и больше всего на свете мне сейчас захотелось узнать их вкус.

И тут мы услышали приближающийся детский смех.

Уффф... это было горячо)

Глава 18. Винтики и портфели

Случилось то, чего я так боялась, но о чем совершенно не могла думать в присутствии Демьяна. Хотя в его присутствии я по определению ни о чем не могу думать.

Тем более, когда он на мне. Без рубашки.

А ещё тем более — когда по лестнице кто-то топает. Быстро. Весело. С огоньком! Как надвигающаяся катастрофа.

Демьян поднял меня и запахнул на мне рубашку.

— Я забыла пижаму! — весело сказала Ляля, забегающая в комнату и открывая шкаф. Схватила с нижней полки пижаму с единорожками и умчалась обратно, оставив за собой только лёгкий шлейф детской непосредственности.

Мы с Демьяном сидели, не дыша.

Хорошо, что она зашла!

Сознание быстро пришло в норму.

Так нельзя. Всё это совершенно точно запрещено.

Аморально. Я не могу переспать со своим начальником, а уж тем более с человеком, которому я должна кучу денег.

Тем более в его доме с маленькой Лялей, которая может всё неправильно понять. Маленькая девочка с большими глазами и хрупким сердцем.

Хотя как “неправильно”?

Так же как и я.

Мне тоже кажется, что существует любовь до гроба, что семья это главная ценность, что секс это не просто химия. Это таинство, которое должно происходить с тем, кого любишь...

— Так и чувствую, что ты себя сейчас накручиваешь, — негромко сказал Демьян, глядя прямо в меня.

Я дёрнулась к двери.

Он перехватил меня, мягко, без усилия, но крепко, и прижал к себе.

— Не придумывай лишнего, Саша. Ты мне нравишься, я нравлюсь тебе. Мы взрослые люди, которые...

— Этого не достаточно, — отрезала я, вскинув голову и посмотрев в его глаза.

Демьян холодно усмехнулся.

— Охотница за колечком, значит?

Эта фраза ударила, как пощёчина.

Я выпуталась из его объятий — отпустил.

Да, нам точно не по пути.

Для него брак это повинность. Для меня мечта. При таких обстоятельствах не о чем нам больше целоваться.

— А стол собирать? — недовольно спросил он.

Я обернулась.

— Это в мои обязанности няни не входит, — сдержанно ответила я.

— А в обязанности ассистентки входит, — миролюбиво сказал Демьян. — Идём, я не буду тебя трогать, раз ты не хочешь.

Я заколебалась.

— Оставишь Лялю без парты на первое сентября? — добавил он с ангельским выражением лица.

Вот паршивец, знает, на что давить!

Я вернулась обратно.

— Давайте я буду читать инструкцию, а вы крутить.

— Давайте, — насмешливо ответил он.

Мы начали работу.

— Это не та деталь, — буркнула я, уткнувшись в схему.

— А какая? Они все на одно лицо, — отозвался Демьян и снова что-то прикрутил не туда. Да, сборщики мебели из нас совсем неопытные...

Порой я ловила на себе взгляд Демьяна. Задумчивый. Тёмный. Слишком серьёзный для столов и шурупов. И от этого становилось совсем не легче.

И... в общем спустя минут тридцать мы всё-таки собрали и стол, и стул, и лампу подключили.

Из ванной, сияя как солнце, вышла разгорячённая Ляля. Розовые щёки, свежие волосы, в пижаме с единорожками.

— Это мне?! — пискнула она, подбежав к столу, провела по поверхности ладошкой.

Я собирала упаковку, чтобы выбросить её, но в этот момент замерла.

Малышка захлопала в ладошки — восторг был тотальный. А мне её зацеловать хотелось, такая она была милая в этот момент. Я смотрела на неё и думала, что за одну такую улыбку Ляли я готова подписаться под контрактом с дьяволом.

Она обнимала и стол, и меня, и Демьяна, а потом нас вместе...

Неловко вышло.

— Спасибо, папа.

Это было сказано так просто и буднично, что внутри меня что-то переключилось.

— Тебе не обязательно... — начал было Демьян, но я сжала его руку. — Конечно, малышка. Ты же становишься первоклассницей.

— А школьная форма у нас есть? — спросила я.

— Я написал школьному куратору, — ответил Демьян. — Сказали можно покупать тёмно-синюю.

Я гневно на него посмотрела.

— Что? — непонимающе спросил он.

— За день до первого сентября ты... вы говорите, что у нас нет школьной формы?!

— Завтра целый день! Купим.

— И портфель! — добавила Ляля.

— И пенал! — добавила я. — И туфли, и тетради, и закладки, и дневник... нам так много надо успеть!

— Полегче, — засмеялся Демьян.

У него талант разруливать проблемы и снижать мою тревожность... ну и повышать её иногда.

Ляля вылезла из наших объятий, которые сама и организовала. На мгновение мы с Демьяном остались обниматься вдвоём. Я смущённо отпрянула.

Ляля торжественно уселась за новенький стол и открыла ящик.

— А тут можно прятать сокровища, — глубокомысленно заметила она.

Я улыбнулась.

— Пора спать, будущая первоклашка.

Она скривилась, но послушно забралась в кровать.

Демьян обнял девочку и поцеловал в макушку. Такой... нежный.

Я уставилась в пол, потому что почувствовала, будто подглядываю за чем-то очень интимным, личным.

Потом он вышел, забрав весь мусор, а я осталась, чтобы проследить, что Ляля спит, а не пишет письма в планшете.

Когда она засопела, я поправила её одеяло, подобрала пустую коробку от болтиков, которую Демьян пропустил, и вышла в коридор.

Это был долгий и полный впечатлений день, поэтому я протяжно выдохнула и направилась в ванную.

Теплая ванная с солью, приятная музыка, скраб для тела и хороший шампунь — что может быть более расслабляющим?..

Только лечь в кровать под огромное пуховое одеяло!

В банном халате, с тюрбаном из полотенца на голове я направилась в спальню, но там меня ждал сюрприз.

На моей постели лежал кавказец...

Хотите визуал Саши?

Саша

А вот и наша Саша!

Девчонка, которая любит простые радости, вроде лучика солнца на капоте машины или счастливого предсказания в печеньке.

Обожает читать, верит, что магия существует, и если ей на глаза попадётся фильм «Гарри Поттер и Кубок огня» — всё, планы отменяются, вечер занят.

Перед важным разговором Саша может час репетировать каждую фразу вслух, но в итоге всё равно скажет что-нибудь спонтанное и совершенно не то, что планировала.

И ещё — вечно прячет карандаш в волосы, чтобы «под рукой был», а потом полдня ищет, куда он делся.

Но за всей этой лёгкой хаотичностью скрывается один маленький секрет: Саша никогда не была в серьёзных отношениях. Она делает вид, что всё под контролем, но внутри боится, что кто-то заметит её неопытность.

И, может быть, именно поэтому рядом с Демьяном она смущается сильнее всего?

Глава 19. Катастрофа

Саша

— Ка-а-а-авочка.. — мягко протянула я, глядя на пса, развалившегося в моей кровати, как хозяин жизни.

Кава сердито зарычал.

— А я ведь к тебе уже почти привыкла! — с досадой ответила я. — Думала, мы друзья! А ты вот как со мной поступаешь?

Он рычать перестал, а его хвост предательски прошуршал по покрывалу, выдавая сомнения пса. Будто он ещё не до конца решил, нравлюсь я ему или нет. Взгляд у него был тяжёлый, изучающий — точь-в-точь как у его хозяина.

— Это взаимно... — пробурчала я, стоя в одном халате и на всякий случай держась за дверь ванной — если что там можно спрятаться от собаки. Или от собственных мыслей о том, как её хозяин прижимал меня к полу всего пару часов назад.

Кава внезапно перевернулся на спину, подставив моему обозрению пушистое пузо. Это выглядело одновременно как жест капитуляции и как ловушка.

Я сделала осторожный шаг вперёд и попыталась ухватить его за ошейник.

— Ну мальчик, давай, до свидания...

Но он слушаться не желал.

— Ну же! Пушистый оккупант! Уходи с моей кровати!

Кава ответил глухим, предупреждающим ворчанием, от которого по спине пробежали мурашки. Он даже приоткрыл один глаз, будто говоря: «Попробуй только, полторашка недоделанная».

— Ну пожаааалуйста, — сменила тактику я, присаживаясь на край кровати. — Мне спать надо.

В ответ он тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок, даря мне ещё немного места на моей же кровати.

Ну, спасибо и на этом.

— Кавказский колобок! — сдалась я, устраиваясь на отвоёванном клочке территории.

Как-то так мы с Кавой и уснули. Вернее, уснул он, а я лежала и слушала, как он сопит, ворочается и во сне помахивает хвостом, будто гоняется за кем-то. Возможно, за моим рас-судком.

Демьян

Я проснулся от привычного чувства, что что-то не так. Эта скрытая тревога со мной давно. Со смерти сестры. С момента, как я стал центром вселенной для одной маленькой девочки, которая вчера впервые назвала меня папой.

Я перевернулся на спину и тяжело вздохнул.

Тишина. Какое спокойное утро. Слишком, б...ть, спокойное...

Посмотрел на часы.

Девять тридцать.

Нахмурился.

Как-то слишком тихо для девяти тридцати утра.

И вообще.

В доме, где живёт семилетний ураган и кавказец размером с внедорожник, тишина — это первый признак надвигающегося апокалипсиса.

Я сразу же взбодрился и поднялся с кровати.

Накинул штаны и футболку и пошёл проверять территорию.

Первым делом проверил Лялю — она ещё спала. Ничего себе как шоппинг её вымотал... Розовое облачко мирно посапывало, уткнувшись носом в подушку.

А Кава где?

Его не было на его привычном посту у входной двери. Не было в гостиной, он даже не валялся на кухне у Валентины, хотя оттуда уже пахло чем-то ванильным и вкусным. Повар лишь развела руками, мол не видела я никакой собаки...

Чёрт. Последнее, что мне нужно этим утром — искать стокилограммового пса, который мог устроить погром в кладовой или, того хуже, сбежать через незапертую калитку и кого-нибудь до смерти испугать!

Я уже представлял себе заголовки в таблоидах: “Бизнесмен Горынов устроил охоту на собственного кавказца в спальном районе”.

Обошёл весь первый этаж. Пусто. Подвал. Гараж. Двор. Поспрашивал охранников. Никто не видел собаку с вечера!

Чувство тревоги начало подкрадываться активнее, холодное и липкое.

Поднялся на второй этаж. Ещё раз проверил кабинет, гардеробную... Комната Саши! Конечно!

Мысль ударила с отставанием, будто я сознательно обходил её.

Подошёл к двери — не заперто. Я осторожно приоткрыл её и вошёл внутрь.

Тишина, которую я искал, оказалась здесь. И она была... мягкой. В воздухе витал её запах — не духи, нет. Это было что-то сладкое, ванильное, может, шампунь.

И вот он — мой пропавший телохранитель. Раскинулся на её кровати с видом хозяина гарема. А рядом...

Саша.

Она спала на боку, спиной ко мне, светлые волосы раскиданы по подушке. Пушистый предатель устроился в ногах, прижавшись к ней, как к своей личной грелке.

И тут она повернулась во сне. Неловко, будто отгоняя кошмар. Полы халата расступились.

Чёрт побери.

Ткань расползлась, открыв гладкую, бледную кожу от ключицы до изгиба бедра. И грудь — небольшую, упругую, с тёмным соском, прикрытым лишь тонким хлопком, готовым соскользнуть в любой момент.

Всё внутри меня натянулось в тугую, болезненную струну. Стоял как вкопанный, не в силах сдвинуться, не в силах отвести взгляд. Вот она, моя личная катастрофа. Беззащитная. И такая чёртовски притягательная, что...

Всё внутри меня напряглось. Сжалось в один тугой, болезненный комок желания. Я стоял, как идиот, в дверях, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд.

Вот она — моя личная катастрофа.

Кава в это время открыл один глаз и посмотрел на меня. Не с упрёком. С одобрением. Мол, смотри, хозяин, какая у нас тут добыча. Я твою кровать стерегу.

— Предатель, — беззвучно прошептал я ему.

Он вильнул хвостом и закрыл глаз с таким видом, будто говорил: “Разбирайся сам, я своё дело сделал”.

Я сделал шаг назад. Ещё один.

Уйди. Оставь её. Ты для неё — очередная проблема.

И она для тебя — тоже.

Она поставила под угрозу всё. Мой контроль. Мои принципы. Мой покой. И самое ужасное — я уже не был уверен, что хочу его назад.

Надо взять себя в руки. Стоит пойти принять холодный душ, раз уж собака нашлась...
Но тут Саша зашевелилась и открыла глаза...

Она моргнула. Медленно. Ещё не понимая, что происходит, что за фигура в дверях.
Потом зевнула. Потянулась — а ткань халата разошлась ещё чуть сильнее...

Хотите визуал Демьяна?))

Демьян

Любит есть: стейки с кровью, лапшу из китайских коробочек и кофе — крепкий, чёрный
Любимый фильм: «Крёстный отец» (пересматривает раз в год как пособие по жизни).

Любимая книга: «Искусство войны» Сунь-цзы.

Привычки: Вечно оставляет стакан с недопитым кофе где-нибудь в доме (на столе, подоконнике, даже в ванной). Всегда кладёт телефон экраном вниз.

Мечта: чтобы Ляля выросла счастливой, а враги — исчезли. Всё остальное (даже Снежку. Особенно её) он пока держит под вопросом.

*Приходите ко мне в телеграм, там оччень красиво и завтра будут промики на книгу
"Подарок для тирана"*

*Ссылку на канал можно найти здесь: <https://litnet.com/shrt/Jcy0>
или по имени автора*

Глава 20. Решил проблему

Как же я сладко спала с этим пушистым гадом! Думала, мне наоборот будет сложно расслабиться, зная, что на одеяле лежит громадная собака. Ошибалась. Заснула я быстро, спала глубоко, а проснулась максимально отдохнувшей!

Проснулась, потянулась и ощутила на себе чей-то взгляд.

Взгляд был тяжёлый, горячий, будто прожигающий ткань моего халата. Сон как рукой сняло.

Заозиралась вокруг, ища пса. неужели это он на меня смотрит, как на завтрак? Ну он же не съест меня, правильно?

Я медленно повернула голову, и сердце провалилось куда-то в пятки. В дверях, озарённый утренним светом, стоял Демьян.

Точнее сказать Демьян и его... ну в общем достаточно чёткий, мощный силуэт под тканью его штанов!

Мы замерли в тишине.

— Доброе утро, — хрипло сказала я наконец, и мой голос прозвучал неприлично громко. Он вздрогнул, будто вышел из транса. Его челюсть напряглась.

— Собака, — сипло бросил он, отведя взгляд. — Искал собаку. Если берёшь его к себе — предупреждай.

— Кава моим мнением не интересовался, — растерянно ответила я и нахмурилась.

Почему он вообще на меня наезжает? Он смотрел на меня спящую. Это вообще нормально? Стоял тут со своим утренним воином в полном обмундировании и смотрел на меня спящую.

Что за х... интересные вещи происходит в моей жизни?

— Чего меня не позвала? — смягчился Демьян, будто почувствовав, что слегка перегнул палку.

— Ночь была...

Ночь... а перед ней был вечер, когда он прижимал меня к полу своим тяжёлым и горячим телом...

И тут я поняла, что сижу перед ним, а халат беззаботно распахнулся, открывая ногу и часть бедра. Я судорожно запахла полы, чувствуя, как горит всё лицо.

В этот момент в комнату как ураган ворвались Ляля и Кава, вокруг шеи которого был завязан огромный розовый бант.

Наш хрупкий, наэлектризованный миг с Демьяном разбился вдребезги.

И хорошо...

Вся честная компания из Кавы, Ляли и её плюшевого зайца, запрыгнула с разбегу ко мне в кровать.

Ну точно я неправильная няня. Совсем-совсем неправильная.

— Саша! Смотри, какой красавец теперь Кава!

— Красавец, красавец, — сказала я, трепя слюнявого Каву за ухом.

Взглянула на Демьяна, а его уже не было в дверях. Ушёл. Оставил меня справляться с утренним нападением детско-собачьей ОПГ самостоятельно.

Ну и ладно, подумаешь.

— Красавица, ты зубы чистила? — спросила я Лялю.

— Нет, а можно с тобой?

— Можно, отчего же нельзя. И зубы почистить, и волосы расчесать, и зарядку сделать.

И мы включили музыку, чтобы было веселее. А после выбирали одежду для этого очень важного дня — тридцать первого августа! Последний день лета и последний день, чтобы подготовиться к школе!

Я сняла с сушилки в ванной свои джинсы и добавила майку и лёгкий кардиган, в который кутала Лялю в первый день нашей встречи.

Для Ляли предложила платице и кофточку, но она наотрез отказалась - ей тоже подавай джинсы! Как у меня.

В общем, скоро мы спустились на первый этаж уже красивые, аккуратные, расчёсанные и немного в блёстках.

Позавтракали вдвоём, Демьяна не было — он решал какие-то срочные рабочие дела. Я пригласила позавтракать с нами Валентину, но она отказалась — я всё ещё ей не нравилась. Ну что поделать, я не пятитысячная купюра, чтобы всем нравится. Но Валентине почему-то понравится хотелось...

Потом мы с Лялей составили список всего необходимого, что ещё надо докупить к школе. И оставив Лялю украшать его блестящими наклейками, я пошла в кабинет Горыныча.

Постучала.

Он не ответил.

Постучала ещё раз.

Ну ему же можно ко мне в комнату заходить, так чем я хуже? Тихонько отворила дверь, позвала:

— Демья-я-ян!..

Никого.

Я просунула за дверь голову.

— Меня ищешь? — раздалось сзади!

Я дёрнулась от страха и ударила головой об дверь.

Демьян тут же притянул меня к себе.

— Бешеная моя.

— Сам такой! — ответила я и только потом осознала, что стою в его объятиях.

Он только головой покачал в ответ, уткнувшись носом мне в волосы. Интересно, он сам-то осознавал, что сделал?..

И божечки как приятно это — быть у него в объятиях. Вот так вот. Тепло, вкусно пахнет, приятно...

В кабинет ввалилась Ляля со списком.

— Что это вы делаете? — спросила она.

— Вшей ищем! — сказала я первое, что пришло мне в голову.

Демьян посмотрел на меня вопросительно, стараясь не ржать.

— В школу со вшами никак нельзя! Всех надо обязательно проверить, чтобы никто не был заразным! Вот Демьян и проверял мою голову на предмет вшей. Ты тоже к нему сходи — он очень классно этих гадов высматривает, прям ни одна вша мимо Демьяна не проскочит.

На этом моменте Демьян не выдержал и громко засмеялся.

— Я обнимал Сашу, Ляля, — ответил он. — А Саша этого стесняется.

— Она наша, обнимай сколько хочешь, — пожала плечами девочка. — Поехали? Вон какой список у нас красивый!

Она продемонстрировала залепленный наклейками сияющий список, пока я пыталась осознать, что только что произошло.

Демьян взял бумажку в руку и задумчиво рассмотрел, почёсывая подбородок. Потом решительно положил его на стол.

— Я уже решил эту проблему. Нам не надо никуда ехать, — сказал он довольно, готовый принимать овации.

— В смысле? — спросила я.

— Я уже заказал много из этого. Привезли минут десять назад.

Я приподняла бровь. Неужели у богатых и такое возможно? Вот так заказать ребёнку школьную форму и портфель и всё остальное и не надо ходить, шупать, мерить, выбирать?..

— Где? Где это всё?! — радостно завопила Ляля.

— В гостинной, идёте мерить.

И в гостинной нас действительно ждали огромные пакеты из каких-то дорогих магазинов...

— Я и тебе кое-что купил, — сказал Демьян, смотря на меня.

Демьян великий покупатель, конечно... в следующей проде распакуем "форму")

Глава 21. Мама

Он купил что-то для меня.

Рука сама потянулась к пакету, а внутри всё сжалось в комок из противоречий. Подарок? От работодателя? От мужчины, который вчера чуть не взял меня на полу, а сегодня смотрит так, будто я его личная собственность? Господи, какие у нас отношения? «Горизонтально-рабочие»? Я представила эту формулировку в трудовом договоре и едва не выдавила из себя истерический смех. «Дистанционно-тактильные»? Тактильности было столько, что о какой дистанции могла идти речь!

Я сглотнула, заставила себя улыбнуться и потянулась к пакетам.

— Ляля, давай посмотри, что Демьян купил?

Девочка будто только этого и ждала! И уже через несколько минут гостиная превратилась в форменный хаос из бумаги, этикеток, вешалок и пакетов.

И всё было бы прекрасно, но демьян купил вообще далеко не то, что было надо!

Ляля, словно ураган, носилась между пакетами, вытаскивая содержимое с восторженными визгами.

— Смотри, Саша! Динозаврики! — она прижала к груди огромный ранец, с которого свисал плюшевый тираннозавр. — Он рычит, если нажать тут!

Раздался скрипучий рык. Я покосилась на Демьяна. Он стоял с видом победителя, скрестив руки на груди.

— Видишь? Ребёнок в восторге, — ответил он.

А Ляля уже натянула на себя что-то струящееся и блестящее, больше напоминающее пачку балерины, чем школьную форму.

Я растерянно смотрела на Демьяна, он довольный подал мне пакет.

— Для офиса.

Я засунула руку в пакет и вытащила нечто чёрное, кружевное и размером с носовой платок.

— А это... что? — прошептала я, сразу запихивая обратно в пакет то, что при всём желании нельзя было назвать одеждой.

Демьян подошёл ближе, его губы тронула хищная ухмылка.

— Ну, ты ж ассистентка. Должна хорошо выглядеть... В офисе. — Он сделал паузу, давая словам просочиться под кожу. — Это для вдохновения.

Вот же наглец! Ни стыда, ни совести!

Я сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями.

— Демьян, это всё великолепно, — сказала я максимально серьёзно. — Но, видишь ли, в офисе обычно носят что-то... менее откровенное. Чтобы вдохновение не мешало рабочему процессу. Твоему. И моему.

Он нахмурился, и в его глазах мелькнуло неподдельное недоумение.

— То есть не нравится?

— И со школьной формой, боюсь всё тоже не так просто.

— А с формой-то что? — рявкнул он. — Ты же сказала синее и белое, вот, — он выразительно указал на аляпистые легинсы с единорогами.

Я вздохнула. Как бы это помягче...

— Это не совсем школьный стиль, видишь ли...

— Всё-таки не нравится!

— Нравится, — слишком быстро выдохнула я. — Но не для школы. И не для офиса. Смотри, — я подняла синюю футболку с большой надписью “правил нет!”. — В школе есть дресс-код. Строгий. А это...

— Она будет самой заметной!

— Она будет самой заметной на ковре у директора, куда её вызовут для воспитательной беседы, — мягко парировала я. — Демьян, мы хотим, чтобы её любили учителя, а не чтобы она им запомнилась как “та самая с единорогами на попе”, верно?

Он мрачно уставился на злополучные леггинсы, будто они лично его оскорбили.

— Ладно, — наконец проворчал он, сдаваясь. — Поедем, купим вам ваши скучные сарафаны. Но динозавр остаётся! — это прозвучало как последнее слово мужчины, отступающего с поля боя, но прихватившего с собой трофей.

Торговый центр встретил нас гомоном и ярким светом. Ляля, весело держащая нас за руки, визжала от восторга:

— Я как взрослая! Я сама буду выбирать!»

По дороге мы с Демьяном вели тихую, но напряжённую войну.

— Нужно три комплекта формы, два свитера, спортивный костюм, — диктовала я, глядя в список.

— Нужно быстро и функционально, — парировал он. — Вошли, купили, ушли.

— Нужно, чтобы ребёнку нравилось и было удобно! — уже не выдержала я.

— Она будет носить то, что купят.

— Конечно, поэтому нам и надо постараться купить то, что будет удобным и симпатичным.

Мы зашли в первый же приличный детский магазин.

Пока я подбирала размеры и отбирала строгие брючки и практичные блузки, Ляля носилась между стеллажами, а Горыныч угрюмо сидел на диванчике. После, пока Ляля примеряла одежду, а я ей помогала, Демьян Угрюмо стоял у примерочной с грудой вещей на руках.

Оживился он только в тот момент, когда я заметила, что там продавалась и взрослая одежда.

— А ведь мне правда не помешала бы пара рубашек, — заметила я. — Раз уж я теперь ассистентка.

Демьян, словно выпущенный на свободу охотник, тут же оживился.

— Вот это я понимаю! — он сгрёб с вешалки что-то шёлковое, тёмно-синее, с разрезом чуть ли не до талии. — Примеряй.

— Демьян, это для вечеринки, а не для работы с документами.

— С документами тоже надо выглядеть убедительно, — невозмутимо парировал он, подбирая следующую вещь — узкую юбку-карандаш, сидевшую на манекене так откровенно, что у меня загорелись щёки.

Я выбрала обычные белые рубашечки, а когда примеряла...

— Саша, а это? — Ляля просунула голову в щель между занавесками, когда я была наполовину раздета.

Я взвизгнула и закуталась в занавеску.

— Ляля! Нельзя так подкрадываться!

Демьян, стоящий позади, протянул мне через шторку очередную вешалку с чем-то развратным.

— Чё орёшь, королева? Ребёнку интересно.

Не сомневаюсь. Ему тоже, по-моему было интересно.

В итоге, купили всё необходимое. И даже немного того, что было не необходимо, но очень уж понравилось Ляле — блестящий рюкзачок для сменки и пенал с единорогом. Демьян капитулировал перед двумя объединёнными женскими фронтами. И получилось не так долго, как я думала, но и не так быстро, как надеялся Демьян.

Вечером, когда мы ехали обратно, Ляля, утомлённая шоппингом, заснула на заднем сиденье, прижимая к себе тетрадку с блестящей феей на обложке.

Мы с Демьяном сидели впереди — он за рулём, я на пассажирском — и говорили шёпотом, чтобы не разбудить малышку.

— Нам надо выстроить ритм, — тихо сказал он, глядя на дорогу. — Режим дня. Подъём, завтрак, школа, кружки, работа, спорт. И тебе, и мне. И ей.

— “Нам”... — тихо повторила я, переваривая это слово.

Оно прозвучало у него так естественно, будто мы и правда были одной командой. Одной семьёй. Оно повисло в воздухе салона, тёплое и пугающее.

Я не стала ничего отвечать. Просто смотрела на его профиль, освещённый огнями встречных машин, и чувствовала, как что-то щёлкает внутри, притихая и соглашаясь. “Нам”.

Мы въехали во двор.

— Я её перенесу, попробуем уложить спать в ночь? — предложил Горыныч.

Я кивнула.

Его движения, обычно такие резкие и уверенные, вдруг обрели какую-то бережную, почти священную плавность. Он отстегнул ремни автокресла, не разбудив Лялю, и его большие, сильные руки, способные ломать и строить, теперь сложились в колыбель. Он поднял её, прижал к своей широкой груди, а я осторожно уложила её белокурую головку ему на плечо.

Я бежала впереди, открывая перед ними двери, шикая на охранников.

Дом встретил нас тишиной.

Я аккуратно стянула с Ляли ботиночки, а потом нагнулась и помогла Демьяну разуться. Мои пальцы сами нашли молнию на его куртке, тихо её расстегнули, помогли стянуть с одного плеча, потом с другого.

Уже в детской мы с точностью сапёра сняли куртку и с малышки и Демьян аккуратно уложил её в постель.

Я тут же опустилась на колени, чтобы снять с неё лишнюю одежду и распустить волосы — шишечки были слишком тугие.

Демьян стоял в ногах кровати, его высокая фигура отбрасывала длинную тень на стену. Он не уходил. Он наблюдал.

Мы не говорили. Не смотрели друг на друга. Действовали на каком-то животном, синхронном уровне. Он — сила, я — забота. Мы были шестерёнками одного механизма.

— Спит? — не веря спросила я, поглаживая посапывающую Лялю по плечу.

— Спит, — улыбнулся Демьян.

И тут Ляля сквозь сон сказала:

— Люблю тебя, мам...

Перекладывали когда-нибудь детей из машины сразу в кровать?))

Глава 22. Первое сентября

Я не планировал ребёнка.

Не планировал семилетнего ребёнка.

Не планировал, что это первое сентября станет таким волнительным.

Не планировал Сашу.

Не планировал, что одна мелкая племянка вдруг назовёт меня папой, а её мамой.

Не планировал даже заводить собаку, но не смог сдать пса сестры в приют.

Не планировал, что младшая сестра так скоро... умрёт.

Но вот я здесь.

Сажу за столом, пью кофе, рядом голодными глазами на меня смотрит кавказец, поодаль Ляля пищит, что Саша заплетает её косички слишком туго, а Саша, такая привлекательная и недоступная в своей рубашечке с растёгнутой пуговкой старательно перебирает её волосы и просит «ещё немножечко потерпеть».

Я всего этого не планировал. Но где-то между вчерашним «мам» и сегодняшним утром я свыкся с мыслью, что жизнь сама всё расставила по своим местам.

И место Сашкино — рядом со мной.

В моей постели. У меня под боком. В моей жизни.

— Ещё яичницы сделать? — спросила Валентина.

— Нет, спасибо, Валя.

— А можно вас? На минутку.

Валентина позвала меня на кухню. По её лицу я понял — будет разговор «по душам». Именно те разговоры, которые я ненавижу.

Дверь за нами прикрыла. Пахло кофе и свежей выпечкой.

— Демьян, — с укором сказала она, сложив руки на фартуке. — Вот вам шутки, баловство с молоденькой няней, а для девочки это всё серьёзно.

— А кто сказал, что я шучу? — спросил я ровно, глядя на неё так, что она немного отвела взгляд.

— Да бросьте. Наиграетесь и погоните няню эту, как и всех. А Ляля-то привязалась. Вы может, лучше сейчас, пока школа началась, много нового, ну и няню новую одним махом? Я тут одну женщину нашла, она хорошая, пятьдесят пять лет, у самой уже трое внуков...

Я медленно поставил чашку на стол. Звук получился глухим и чересчур громким.

— Валентина. — Мой голос стал тише, но в нём появилась горчинка. — Запомни раз и навсегда. Я сам разберусь, кого тут гнать, а кого оставить.

Валя приосанилась.

Грубовато сказал, надо было помягче.

— Поняла, — наконец кивнула она.

Вернувшись в столовую, я увидел ту самую картину, которую не планировал, но которая теперь была единственно правильной. Ляля, сияющая с двумя идеальными косичками, и Саша, поправляющая воротник её блузки. Их счастливые лица.

— Всё, команда, — сказал я, подходя к ним. — По машинам. Опоздаем на линейку — Валентина съест нас живьём. И начнёт, я уверен, с меня.

Ляля захихикала, а Саша подняла на меня взгляд. В её глазах читалась та же мысль, что крутилась и у меня в голове.

«Когда мы стали так близки?»

Дорога до школы была неприлично тихой. Ляля сжалась в комок рядом с Сашей и молча ковыряла пальчиком бант на своём новом рюкзаке.

— Солнышко, что случилось? — тихо спросила Саша, обнимая её за плечи.

— А если... а если я ни с кем не подружусь? — выдохнула Ляля, и её голосок дрогнул.

Моё сердце сжалось в странном, непривычном спазме. Я видел страх в её глазах. Не каприз, а настоящий, животный страх перед новым и неизвестным. И я не знал, что сказать. Мои обычные методы — приказ, денежное поощрение или угроза — здесь были бесполезны.

Но Саша знала.

— Ой, — сказала она так легко и уверенно, будто отгоняла муху. — Сразу может и не получится подружиться, но когда ты присмотришь кого-то, кто тебе понравится, мы пригласим её или его в гости. Никто не устоит перед Кавой. И вообще, волноваться это нормально. Ты знаешь, что я в первом классе на линейке плакала?

— Правда? — Ляля подняла на неё широко раскрытые глаза.

— Конечно! Так ревела, что мама чуть обратно домой не увела. А потом оказалось, что девочка за партой рядом — тоже ревела. И мы с ней подружились. На всю жизнь.

— А кому ты не понравишься, того я прикопаю на школьном дворе, — добавил я.

Саша посмотрела на меня круглыми глазами.

— Что?..

И потом она говорила и говорила, а я слушал и не встревал. К школе Ляля подъезжала уже с горящими глазами.

Когда мы вышли из машины, я шепнул своей королеве:

— Спасибо.

Ляля вцепилась в Сашину руку так, что костяшки побелели.

На школьном дворе было много народу. Охрана рассредоточилась, парни, конечно, были не в восторге от необходимости идти на школьную линейку.

У ступенек нас уже ждала учительница с поднятой табличкой “1Б” — улыбчивая женщина с добрыми глазами.

— “Бэ” — это наши, идём! — смело сказала Саша.

Учительница оказалась крайне положительной. Мы сразу же вручили ей цветы.

— Елена Горынова? Прекрасные косички! Пойдём, я познакомлю тебя с ребятами.

Она оглянулась на нас и хотела было увести Лялю, но малышка встала, как вкопанная.

Саша присела перед ней, поправила воротничок.

— Всё будет хорошо, смелая моя. Мы тебя любим.

И это “мы” согрело моё чёртское нутро.

— Смелее, воин, — сказал я, глядя Ляле прямо в глаза. — Никто не посмеет тебя тронуть.

Ляля кивнула, сделала глубокий вдох и, наконец, отпустила Сашину руку, чтобы взяться за руку учительницы. Она уходила, оборачиваясь через каждые два шага. А мы стояли. Рядом. Позади толпы гомонящих детей.

Я взял Сашу за руку. И это было так же естественно, как дышать.

— Всё будет хорошо.

Саша выдохнула. Длинный-длинный выдох, в котором было всё напряжение этого утра.

— Кажется, я волнуюсь больше, чем она, — прошептала моя королева.

Я не отпустил её руку. Наоборот, мои пальцы сомкнулись чуть крепче, прижимая её ладонь к своей. Холодную, дрожащую от переизбытка чувств.

— Ничего, — сказал я, глядя прямо перед собой, где на импровизированной сцене директор начинал свою речь. — Ты справилась.

Линейка проходила в каком-то смутном гуле. Я не слышал слов, не видел чужих лиц. Я чувствовал лишь лёгкий трепет её руки в моей и осознавал простую, оглушительную истину: мы стоим здесь, как семья. Как лялины родители.

Когда официальная часть закончилась, детей увели знакомиться со школой и толпа родителей начала расходиться, к нам направилась улыбающаяся женщина лет тридцати в дорогом пальто.

— Прошу прощения, — обратилась она в первую очередь ко мне. — Мы, кажется, будем родителями одноклассников. Людмила.

Я кивнул, отпуская руку Саши, чтобы пожать её протянутую ладонь.

— Демьян Горынов.

— Очень приятно, — её взгляд скользнул по Саше, которая замерла, будто ожидая удара. — А это, я полагаю, супруга?

Воздух застыл. Я видел, как Саша замерла, как её глаза стали огромными. Она приготовилась к поправке, к неловкому объяснению, к возвращению в рамки “няни”.

И я его не дал.

— Да, — сказал я твёрдо и спокойно, кладя свою ладонь ей на поясницу. — Это Александра

Время остановилось. Я чувствовал, как всё её тело напряглось.

Краем глаза я видел, как она медленно повернула ко мне голову, но не смотрел на неё.

Вместо этого я продолжил разговор с Людмилой о каких-то мелочах — о расписании, о продлёнке, о том, что, возможно, стоит организовать совместный выезд на пикник для класса.

Когда она, наконец, отошла, я посмотрел на Сашу. Её лицо было бледным, губы приоткрыты от изумления.

— Демьян... — она прошептала, и в её голосе звучала паника и что-то ещё, что-то тёплое и пугающее. — Ты что...

— Всё, — перебил я её тихо, но так, чтобы не осталось сомнений. — Нам пора в офис. Ляля тут надолго, у них впереди концерт, чаепитие и экскурсия по школе. А у нас рабочий день. Супруга.

Я повернулся и пошёл к машине, не оборачиваясь.

Спокойно последует за мной или закатит истерику? Лучше бы первое...

Вы бы как отреагировали, если бы вас в жёны приписали без вашего ведома?))

Глава 23. Жена, няня, ассистентка?

Машина тронулась с места, а у меня внутри всё кипело.

Супруга?!

А меня спросить не забыл?!

Но вслух я спросила более сдержанно:

— И что это было?

— Что именно? — уточнил Демьян бесстрастно.

— Она назвала меня твоей женой, а ты не поправил её. Почему не сказал, что я просто няня?

Он тяжело вздохнул.

— И долго бы я объяснял, что ты не жена, а няня-ассистентка, которая живёт в нашем доме, спит с нашей собакой, а Ляля иногда называет тебя мамой?

— Послушай, то, что произошло вчера... — начала было я, но он перебил.

— Или может, стоило объяснить рандомной бабе, что я не уберёг младшую сестру? Что из-за меня она погибла. Что у Ляли нет матери, потому что я не успел. И отца нет, хоть она и стала меня так называть.

Я замерла. Так вот в чём дело. Вот какая рана скрывалась за его стальным спокойствием. *По его вине*. Вот как он считает? Что он виновен в смерти родителей Ляли?

— Демьян, я... — голос сорвался на жалкий шёпот. — Мне так жаль. Если тебе захочется поговорить об этом, я...

— Не захочется.

И этими словами он снова захлопнул бездну боли внутри.

Я кивнула.

Между нами натянулось молчание. Неловкое. Болезненное. Оно давило на уши, на грудь, на всё моё существо.

Я отвела взгляд, посмотрела на дождливый вид из окна, но чувствовала на себе его внимание. И когда он заговорил снова, голос был уже другим — низким, с хрипотцой.

— Расслабься, королева. Я большой мальчик и могу справиться со своими проблемами. Кроме одной.

И прежде чем я успела предугадать его намерения, сильная рука обвила мою талию и рывком притянула меня к мощному мужскому телу.

Я очутилась у него на коленях, лицом к лицу. Так близко, что наши носы почти соприкасались, а дыхание смешалось в одно целое.

Неловкость и боль в один миг испарились, уступив место чему-то горячему, первобытному и сжигающему все преграды.

— Бля-я-я-ядь... Какая же ты красивая, — его низкий хриплый шёпот обжёг мне кожу. — Давно меня так не торкало от женщины.

Я почувствовала, как по лицу разливается густой румянец. Позже я ещё долго буду анализировать этот момент, корить себя и спрашивать: почему? Почему позволила? Почему не остановила?

Но в тот момент мир сузился до касаний, дыхания, до неровного ритма наших сердец.

Его пальцы, тёплые и уверенные, медленно, одну за другой, стали расстёгивать пуговицы на моей новой рубашке.

— Когда ты её покупала, я думал только об этом, — прошептал он, скользнув пальцами по ткани.

Почему не вцепилась в его запястья, когда его ладони освободили мою грудь, грубо спустив лямки белья?

Почему не сдержала низкий, предательский стон, когда он мощно, утробно толкнулся напряжённым пахом мне между ног?

Почему мои пальцы сами впились в его короткие волосы, когда он опустил голову и его влажный, жадный рот захватил сосок?

Почему, почему, почему...

Пронзительный звонок телефона врезался в нашу жаркую атмосферу, сбив с неё флёр интимности. Я вздрогнула, он выругался сквозь зубы.

Сначала мы проигнорировали звук, но настойчивая вибрация гудела прямо у меня под бедром.

Реальность грубо вернула нас обоих в салон машины.

Я, тяжело дыша, спешно стала застёгивать рубашку дрожащими пальцами. Он с раздражённым проклятием вытащил телефон из кармана.

Взял трубку, резко выдохнул и заговорил по-английски.

— Yes. I told you — not now. No. Handle it. Just do it.

Я не успела вникнуть, что он говорил, но фразы были резкие, короткие.

Он отключился.

Воздух в салоне был всё ещё густым от тепла и чего-то невысказанного.

Я не поднимала глаз.

Рубашка была застёгнута, но кожа всё ещё помнила его ладони — горячие, сильные, настойчивые.

Я зажмурилась.

— Это всё ошибка... — пискнула я.

— Приехали.

Он сказал это спокойно, будто минуту назад не держал меня на коленях и не стягивал с меня рубашку.

Я моргнула, не сразу поняв, что водитель уже выключил двигатель.

— Возьми блокнот, — произнёс он, не глядя.

Я растерянно повернула голову.

— Что?

— Блокнот, Саша. Или телефон — всё равно. Запиши.

Голос стал деловым, холодным, как будто переключился на другого человека.

— В десять — встреча с инвесторами, в двенадцать — прослушивание новой группы. В три у нас контракт, — он перечислял спокойно, не замечая, как я сжимаю руки. — Ты поедешь со мной.

— Что? Зачем? — выдохнула я.

— Ассистентка. Забыла? Ты теперь в моём графике. И мне нужен человек, который будет напоминать, что у меня встреча или обед, — сказал он сухо.

Он повернулся ко мне, коротко, без выражения:

— Поняла, няня?

Я кивнула, хотя внутри всё сжалось.

Он открыл дверь и вышел под моросящий дождь, оставив меня одну — с бешено коло-
тящимся сердцем и ощущением, будто меня только что *вычеркнули*.

Саша, но ведь именно этого ты хотела, когда сказала про ошибку...

Тогда почему так больно?

Глава 24. Моя Александра

Я вышла из машины, и холодный дождь сразу же остудил мою пылающую кожу. Натянула пиджак, хотя толку от него было немного.

Здание, в котором располагался офис, буквально кричало о дороговизне аренды: футуристичные линии, зеркальные фасады, стекло и сталь. На парковке — сплошной автосалон премиум-класса.

Но дождю без разницы на деньги, он барабанил по всем капотам без разбору, размазывая свет фар в серебристые блики.

Демьян уже шёл впереди — быстрым, уверенным шагом, не оглядываясь.

“Просто ассистентка”. Ни больше, ни меньше” — напонила я себе.

Однако когда водитель попытался подбежать к моему “просто работодателю” с зонтом, тот рывкнул так, что бедняга отпрянул и, извиняясь, вернулся ко мне. Я приветливо улыбнулась.

— А вы и есть Борис, да?

— Ага, я. Держите, — он протянул зонт. — Извините ещё раз.

— Не за что вам извиняться, Борис, — пожала плечами я. — Вы же на Демьяна работаете, не на меня. Но спасибо за зонт.

— Ляля мне про вас говорила, — сказал насупленный мужчина.

— Да? — удивилась я. — А что? Если это, конечно, не секрет.

— Что вы вкусно пахнете и что с вами Кава спит, — хмыкнул он. — Вы если что обращайтесь. И это... он не всегда такой злой. Сегодня, видимо, не с той ноги встал.

Я кивнула.

“Не с той жены” — хотелось сказать.

Внутри офиса было светло и красиво. лёгкая музыка, красотки на ресепшене.

— Наговорила? — грубо поинтересовался Демьян.

— Да, — сдавленно ответила я, ну а что ещё мне ему сказать?

— Она со мной, — бросил Демьян хлопающим ресницами девчонкам с ресепшена и пропустил меня вперёд к турникету.

У зоны лифтов не было ровным счётом никого. Ещё бы. Время обеда ещё не наступило, а утренние опоздуны уже успели просочиться на свои рабочие места.

Я глубоко вздохнула, заходя в лифт. Металл, стекло, тихий гул вентиляции. И только мы. Вдвоём.

Я почувствовала неловкость и уставилась в пол.

Он почувствовал, что может безнаказанно меня рассматривать.

В конце-концов я осмелела и подняла голову, а он без увёрток встретил мой взгляд.

— Замёрзла? — спросил просто.

Я усмехнулась.

— Уже нет.

Он чуть прищурился.

— Есть хочешь?

— Нет.

Кажется, его ум тоже полон сомнений. То ругается, то вот эта бешеная забота в голосе.

— Врёшь, — спокойно сказал он. — У тебя взгляд голодный.

Я открыла рот, чтобы что-то возразить, но лифт тихо дзинькнул, и двери разъехались в стороны.

Мы вышли в просторный холл с панорамными окнами и мягким светом. Вдоль стен располагались переговорные. Некоторые из них закрыты плотными жалюзи. Посередине зона отдыха со столиками.

Всё здесь выглядело дорого и комфортно. Сразу видно — его территория.

Пока мы шли через офис, молодые люди в костюмах и девушки с планшетами поднимали на нас головы, здоровались коротким «Доброе утро, Демьян Сергеевич». Некоторые бросали на меня быстрые взгляды — кто с интересом, кто с откровенным любопытством.

Мы остановились у просторного кабинета с табличкой «СЕО».

Возле двери встала блондинка с идеальной укладкой и планшетом в руках.

— Аня, — кивнул Демьян. — Это моя... Александра.

Я слегка дернулась, ожидая продолжения — “ассистентка”, “помощница”, хоть что-нибудь.

Но он не добавил ни слова.

— Разберись с ней по текущим вопросам, — спокойно сказал он секретарше. — Введи в курс. График, задачи, контакты. Всё, что нужно.

— Поняла, Демьян Сергеевич, — профессионально улыбнулась Аня и тут же переключилась на меня.

— Прошу, Александра, — сказала она мягким голосом.

Демьян уже зашёл к себе и закрыл за собой дверь. Его силуэт в отражении стекла казался неприступным, выточенным из той же стали, что и город за окном.

— Итак, — деловито начала Аня, — сейчас организуем тебе шкаф, пропуск и корпоративную почту.

— Не против, что на “ты”?

— Не против, — улыбнулась я.

Она протянула мне планшет.

— Здесь расписание на день, список артистов, кто на прослушивании, и вот — карточка доступа в здание. Заполни, пожалуйста свои данные и начнём знакомить тебя с расписанием Демьяна Сергеевича.

Я кивнула, чувствуя себя школьницей на первом уроке.

— Не переживай, — добавила Аня чуть тише, с лукавой улыбкой. — Он не всегда такой хмурый. Скоро привыкнешь, будешь с одного взгляда понимать его настроение.

На столе Ани загорелась красная лампочка, тут же раздался голос Демьяна:

— Александра, ко мне. Через пять минут.

“Ко мне”, я ему что, собака? К Каве пусть так обращается.

Скрипя зубами я заполнила анкету для пропуска и передала планшет обратно Ане.

— Напомни ему, что встреча с лейблом через час, хорошо?

Я кивнула и отправилась в его кабинет, но у двери застыла...

Память обожгло воспоминание, как мы заключали трудовой договор в его домашнем кабинете. Как я нагнулась, чтобы оставить подпись, и как ощутила, что он подошёл ближе, слишком близко. Тепло его руки, накрывшей мою. Шершавая кожа его ладони. Горячее дыхание на шее, когда он наклонился, чтобы “помочь” с ручкой...

Мир тогда замер.

Только дыхание, тепло, и сердце, которое билось слишком громко для деловой встречи. И это его “Добро пожаловать в логово дракона, Саша”.

Тогда это звучало, как шутка. Сейчас — как приговор.

— Не заставляй его ждать, — посоветовала Аня.

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями, и вошла в кабинет...

Ох что же нас там ждёт?

А в другой моей книге тожже горячо) Приходите читать мажора из элитного университета "Вересково": <https://litnet.com/shrt/GS-r> 18+

— Я предлагаю сделку, — сказал он, нагло обводя мою фигуру взглядом.

— Не заключаю сделок с дьяволом, — ответила я, крепко держа полотенце на груди.

— Разве я дьявол, Солнце? Я — Верх, это гораздо хуже.

Моя тётя запятнала репутацию Вершининых. Но Верхи не из тех, кто прощают.

Стас уничтожит мою семью, если я не сыграю по его правилам, но... правила имеют свойство меняться, особенно когда в игру вступает любовь.

Читайте здесь: <https://litnet.com/shrt/IKZ2> 18+

Глава 25. Кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает

Когда я оказалась в кабинете Демьяна, взгляд сам собой выхватил общую картину: большой стол, широкий экран на нём, массивное кресло, полки, замысловато освещённые и... фото.

— Записывай, — начал говорить Демьян, но я уже шла к рамке, чтобы рассмотреть единственную фотографию.

На ней была семья.

Молодые родители, дети-подростки. Это Демьян? А это...

— Её звали Оля.

Я сглотнула.

Ляля была так похожа на неё!..

— Мама звала её Лёля, а я дразнил Лялей, — горько усмехнулся он.

— Что с ней произошло? — спросила я осторожно.

Он молчал некоторое время, и я уже хотела перевести тему на что-то более нейтральное, как Демьян заговорил.

— Её муж работал со мной. Он влез куда не надо, взял деньги у тех, у кого брать нельзя. Тем утром я позвонил и рассказал ей это, хотел, чтобы она поставила ему мозги на место. Они поругались тем утром из-за моего звонка. И когда он уже уезжал, она кинулась следом. Охранники сказали, что она поцеловала его и села к нему в машину, чтобы поговорить уже спокойно.

Я стояла, не шевелясь, стараясь не спугнуть это откровение Демьяна.

— Хотела помириться, — усмехнулся Демьян. — А в итоге умерла.

— Авария? — несмело предположила я.

— Взрыв, — коротко бросил он.

— Сочувствую тебе, Демьян, но ты не должен себя в этом винить. Если только...

Я вдруг подумала, а что я в сущности знала об этом человеке? Может он хотел убить мужа сестры, а сестра просто оказалась не в то время и не в том месте?

Моя пауза дорого мне стоила.

— Только что? — резко спросил он, разворачиваясь ко мне. — Не убил ли я собственную сестру?

Он приблизился быстро.

— Ты думаешь сейчас, мог ли я заложить взрывчатку под днище машины своего партнёра? Мужа моей сестры?

— Нет, — я покачала головой. — Я так не думаю, Демьян.

Пауза между нами стала словно бы осязаемой.

— Я думаю, что ты потрясающий папа для Ляли.

Мускул на его лице дёрнулся.

Он отвернулся и сказал:

— Записывай.

Работы у Демьяна было много. Возможно, это из-за того, что последние несколько дней он больше возился с нами дома, чем с делами компании. У нас и минуты свободной не было, чтобы просто выдохнуть: встречи, документы, отчёты, согласования, подписи...

День прошёл, как в тумане.

Всем, кто заходил в его кабинет, он представлял меня коротко, без пояснений:

— Это Александра.

И всё.

Ни “ассистентка”, ни “секретарь”. Просто — *Александра*, будто этим словом уже всё сказано.

Сотрудники кивали, переглядывались, кто-то улыбался, кто-то явно гадал, кто я ему такая.

Я тоже гадала.

Но спустя четыре часа я не то что мозгами, я ногами-то еле шевелила. И как он выдерживает такой объём работы? Плечи тянуло к полу, и чем ровнее он говорил, тем тяжелее становилось тело.

— Сядь, — приказал мне Демьян, уступая своё место.

— Что?

— Садись — тебе говорят.

Я приблизилась к креслу, Демьян без лишних сомнений подтянул меня за талию, чтобы я приземлилась на стул.

— Глаза закрой, Снежинка, — сказал тихо.

Я подчинилась.

Секунда — и на плечи легли его ладони.

Тёплые, сильные, уверенные.

Пальцы осторожно надавили на мышцы шеи, двинулись вниз, вдоль лопаток, точно зная, где больно, где приятно.

Я едва не застонала.

— Сиди спокойно, — его голос стал ниже. — Тебе нужно расслабиться, иначе завтра не встанешь.

Я бы возразила, что ассистентке не положено, чтобы босс вот так, своими руками... Но язык не повернулся.

Его большие пальцы нашли узлы под лопатками и прижали ровно настолько, чтобы стало больно и хорошо одновременно.

— Дыши, — сказал он у самого уха. — Вот так.

Я всё-таки тихонечко заскулила от боли и удовольствия.

Он массировал медленно, размеренно, будто гнал из меня весь день, всю усталость, все лишние мысли.

— Так лучше? — его голос прозвучал всё там же, прямо над ухом, низкий и густой, как мед.

Я могла только кивнуть.

Его большие, сильные руки скользили по моим плечам, разминали шею, и я мысленно благословляла и проклинала его за эту дьявольскую осведомленность о том, где именно копится моё напряжение.

— Какая же ты зажатая, — констатировал он, и его пальцы уперлись в особенно болезненную точку у основания черепа. — Как будто готовишься к бою двадцать четыре часа в сутки.

Я хотела сказать, что да, ведь с ним, как на войне! Но не стала... лишь глубже вжалась в кресло, позволив ему на несколько украденных у вселенной минут сделать мне безумно приятно.

Я чувствовала исходящее от него тепло, его близость. Казалось, ещё немного и расплавлюсь.

Хлопнула дверь и я распахнула глаза.

У двери стояла женщина.

Строгая, в светлом пальто, с дорогой сумкой и таким же холодным взглядом, как у Демьяна, только женским.

— Я, кажется, не вовремя, — сказала она, поджав губы. — Познакомишь?

Демьян выпрямился, медленно опустил руки мне на плечи — не убрал, не отстранился, а просто... положил, словно обозначая границы.

— Мама, — произнёс он спокойно. — Это Александра.

Я готова была взвыть, вот опять он сказал моё имя так, будто оно всё объясняло.

Посмотрим на Демьяна в кабинете?)

---->

Демьян в кабинете

Хорооооооооош, а?)))

Глава 26. Мама

— Светлана Сергеевна, — представилась мама Демьяна и сделала несколько шагов внутрь кабинета.

Её каблуки ровно процокали по паркету, и от этой балетной стати мне захотелось выпрямить спину. Красивая женщина, спору нет!..

А я, уставшая, замученная, сидела в кресле Демьяна и чувствовала, как пылает кожа.

Хотела встать и ретироваться, но его ладони прижали меня обратно к креслу.

— Приятно познакомиться, — выдавила я, чувствуя, как язык заплетается.

— Мне, несомненно, тоже, Александра, — произнесла она, растягивая каждую гласную моего имени, будто пробуя его на вкус. И в этом вкусе для неё явно было что-то кислое.

Её взгляд медленно скользнул вниз — на руки Демьяна, всё ещё лежащие на моих плечах. В уголках идеально очерченных губ дрогнуло презрение.

— Демьян, — холодно произнесла Светлана Сергеевна, — долго мне ждать, пока ты приберёшь... грязное бельё?

Вот уж грязным бельём меня никогда не называли.

Нет, хорошего знакомства у нас точно не получится.

— Александра — моя ассистентка, — спокойно ответил Демьян, глядя матери прямо в глаза.

— Мне нужно поговорить с тобой. Наедине.

— Всё, что касается семьи, Александра может слышать.

— Семьи? — переспросила она, чуть сузив глаза. — Так новая няня...

— Да, — коротко ответил Демьян.

Светлана Сергеевна медленно перевела взгляд с сына на меня.

— Очаровательно, — сказала она ледяным тоном. — Ты в своём уме? Ты трахаешь няню Ляли?

Щёки вспыхнули, будто меня ударили.

А Демьян... засмеялся. Тихо, низко, почти с вызовом.

— Вообще-то нет, мам, но спасибо, что спросила.

Тут уж Светлана Сергеевна совсем растерялась.

— Ты чего приехала? — невозмутимо спросил он.

— Сегодня первое сентября, — сказала она неуверенно. — Хотела пригласить вас на ужин в честь первого школьного дня внучки... но...

Она снова посмотрела на меня, пристально, цепко.

— Но? — уточнил Демьян.

— Не понимаю, Демьян. Почему няня у тебя в офисе?

— Потому что она ещё и моя ассистентка, — спокойно пояснил он. — Вместо Ани. Аня уходит в декрет.

Светлана Сергеевна чуть приподняла бровь, как будто перевела ситуацию в новую плоскость.

— А Александра у нас в декрет не собирается случайно?

Я задыхалась от возмущения и стыда, но Демьян оставался спокойным.

— Ты же уже выяснила, что мы не спим, — невозмутимо ответил он. — Значит, опасаться тебе не о чем.

— Прекрасно, — холодно бросила она. — Тогда самое время поговорить о границах.

Она медленно сняла перчатки — плавным, выверенным движением, будто на сцене. Положила их на край стола.

— О да, — Демьян наконец-то убрал руки с моих плеч, подошёл к матери и взял эти перчатки, словно забирал инициативу обратно.

— Например, о тех границах, которые ты, дорогая мать, не можешь переступить.

Он подал ей перчатки коротким, резким движением, а взглядом недвусмысленно указал на дверь.

Между ними на секунду повисла тишина. Стекланная, звонкая, опасная.

Светлана Сергеевна взяла перчатки, выпрямилась — и с холодной улыбкой сказала:

— Ужин в восемь. Я жду тебя и Леночку у себя дома. Повар готовит твой любимый стейк.

Повернулась и вышла, оставив за собой запах ирисов и льда.

А у меня в голове так и звучало это “Леночка”. Ляля она. Моя малышка. Удивительно, а я ведь и правда воспринимаю Лялю максимально своей. Своей малышкой.

Я долго не могла вдохнуть.

— Прости за это, — сказал Демьян.

— Это... всегда так? — прошептала я.

Он усмехнулся, глядя в дверь.

— Нет. Иногда хуже.

— Нам скоро пора забирать Лялю, — напомнила я.

— Да, и готовиться к семейному ужину.

— Демьян, я не поеду.

— Поедешь. Не обсуждается, — холодно ответил он.

Я сжала зубы. Может, я на него и работаю, но...

— Мне нужна няня, Саш, — пояснил он мягче. — Видишь, какая незадача получается... Няня, ассистентка. Да ты нужна мне практически круглосуточно.

— Так может тебе просто завести жену? — так же холодно спросила я, вставая с его кресла.

Но моему властному жесту не суждено было завершиться поднятой головой — Демьян перехватил меня за талию и привлёк к себе...

Глава 27. Семейный ужин...

Он привлёк меня к себе — резко, уверенно, будто устал слушать возражения. Его ладонь легла на мою спину, горячая, широкая, и воздух между нами стал слишком наэлектризованным чтобы им можно было свободно дышать.

— Осторожней с советами, Снежинка, — тихо произнёс он, скользнув взглядом по моему лицу. — У меня с женами не складывается.

— С ассистентками — тоже, — выдохнула я.

Он усмехнулся, почти не отстраняясь.

— Ну это мы ещё проверим.

Сердце ухнуло куда-то под рёбра. Я ненавидела, что он умеет делать это — ставить всё с ног на голову одним полушёпотом.

— Отпусти, Демьян.

Он чуть наклонился, почти касаясь губами моего уха.

— Я бы отпустил... если бы не был уверен, что ты снова откажешься ехать.

Я сжала кулаки.

— Не поеду.

Он выдохнул, коротко, почти со смехом, и всё-таки отпустил.

— Собирайся, заедем за Лялей и на ужин.

Ну этот... Горыныч!

Мы приехали к школе за Лялей чуть раньше. Борис остановился прямо у ворот, на “королевском” месте, под знаком “Стоянка запрещена”.

— Думаете, нас за это не оштрафуют? — не удержалась я.

— Пусть попробуют, — коротко ответил Демьян и вышел из машины.

Я выдохнула — день выдался слишком насыщенным. А теперь ещё и школа, и толпа родителей, и визг детей. Но все тревоги отступили, стоило мне только увидеть нашу девочку. Счастливую!

Ляля выскочила на крыльцо первой, с рюкзаком, который явно был тяжелее её самой, и огромной улыбкой до ушей.

— Мааааам! — крикнула она и тут же спохватилась, глянув на меня, — ой, то есть, Саша! И побежала ко мне.

У меня внутри всё сжалось. Всё-таки надо как-то поговорить с Демьяном, это же не нормально, что это солнышко называет меня мамой. Я же просто няня...

Но малышке я разумеется сказала не это.

— Привет, звезда. Ну как? — я присела, чтобы быть с ней на одном уровне.

— Всё круто! У нас в классе есть мальчик, который знает таблицу умножения, но не умеет завязывать шнурки. И девочка, которая каждый раз плачет, когда звонок! — выдохнула она, не переводя дыхания. — А ещё нам выдали дневники, но я туда писать не буду, потому что там клеточки некрасивые.

Демьян стоял рядом и слушал, чуть приподняв уголок губ.

— Учительница понравилась? — спросил он.

— Ага! Она красивая, но строгая. Сказала, что у кого будут грязные ногти — тот будет мыть доску! — очень серьёзно заявила Ляля. — Пап, а ты ногти чистишь?

Я прыснула, прикрывая рот рукой.

Он покосился на меня, потом снова на Лялю. Или правильнее сказать “на дочь”?

— Ещё как.

— Тогда тебе повезло! — важно кивнула она и потянула нас за руки. — Пошли домой!

— Не домой, — поправил Демьян. — К бабушке.

Ляля замерла.

— К бабушке? А она будет опять говорить, что я — “маленькая копия мамы”?

— Может быть, — тихо сказал он.

— Саша, заплетёшь мне косички? Пусть бабушка радуется, — спросила Ляля, ведя нас к машине.

Я шла с ней за руку, чувствуя, как внутри теплеет. Вот он — живой свет, ради которого можно перетерпеть даже ужин с ледяной матерью-драконицей.

Дорога до особняка леди Горыныч была быстрой, поскольку Ляля не останавливаясь делилась с нами впечатлениями, а Демьян был неожиданно включённым — задал ей миллион уточняющих вопросов. Ему будто и правда было интересно, с кем она сидела, как кого зовут, какие стулья были в столовой и так далее и тому подобное.

В какой-то момент я отключилась от разговора.

— Да не волнуйся ты так, моя мать тебя не съест, — вдруг сказал Демьян.

— Ага, просто пожует и выплюнет с улыбкой, — ответила я.

Ляля оглушительно засмеялась.

Ну а когда мы подъехали к особняку Светланы Сергеевны, у меня внутри всё окончательно сжалось. Идти в берлогу к медведю!

Но машина остановилась.

— Может я с Борисом посижу? — спросила я, предпринимая последний отчаянный шаг к бегству.

Демьян молча взял меня за руку и помог выбраться из авто.

Ляля уже бежала вперёд.

— Ты здесь на правах моей женщины, Саша, — сказал Демьян, когда мы подходили к крыльцу.

— А меня ты не забыл спросить?

— О чём? — невинно поинтересовался он.

— Хочу ли я быть твоей женщиной?

— Разумеется, ты даже договор подписала, в котором было сказано, что твоих половых партнёров одобряю я, — парировал он.

Дверь открылась прежде, чем Демьян успел нажать на звонок.

На пороге стоял высокий мужчина с резкими, правильными чертами лица и ледяными глазами цвета стали.

— Горыныч! — улыбнулся он, и голос у него оказался низким, чуть хриплым, приятным до мурашек. — Рад встрече!

— Арс, не ожидал тебя увидеть! — хмыкнул Демьян, протягивая руку.

Они обнялись по-мужски, с силой, с коротким хлопком по плечу.

Оба рассмеялись, и я невольно улыбнулась.

Но в следующий момент Арсений повернулся ко мне.

— Саша, познакомься, --- сказал Демьян, --- это мой старый друг Арсений Севастьянов, адвокат, каких поискать. Арс, а это...

— Няня Ляли, Саша, — выдала я первой и подала Арсению ладонь для рукопожатия.

Но Арсений, приняв мою руку, легко, но достаточно чувственно, коснулся её губами.

И этот взгляд, скользнувший по мне, был одновременно внимательным и обжигающе спокойным — без пошлости, но с явным интересом.

Я почувствовала, как внутри что-то ёкнуло.

А Демьян... сжал кулаки.

— Не будем стоять на пороге, — сказал Демьян ровно, почти без эмоций.

— Конечно, — ответил Арсений, пропуская нас внутрь. — И, надеюсь, ужин будет таким же горячим, как наша встреча.

Глава 28. Профессор

Я постаралась не выглядеть сильно впечатлённой, но всё это было слегка чересчур!

И богатые интерьеры дома Светланы Сергеевны, этот белый мрамор, идеальная симметрия, и Арсений, внимание которого было приковано исключительно ко мне, и вдруг похмуравший Демьян, что теперь не отпускал меня от себя ни на минуту.

Светлана Сергеевна ждала в гостиной — как королева, которая уже выиграла партию и милостиво разрешила присутствовать при объявлении результата.

Её взгляд тепло скользнул по Ляле, играющей с маленьким пуделем, по Демьяну с холодной вежливостью, по Арсению с хитрецей, а по мне, как по пятну на дорогом ковре.

— Мама, — сказал Демьян.

— Сын, — в тон ему ответила она. — Наконец-то все в сборе. Пусть няня сводит Леночку помыть руки и начнём ужин.

Демьян сжал мою ладонь.

— Она права, — сказала я тихо, улыбаясь ему, — я няня, займусь своей работой.

Я попросила Лялю показать мне, где в этом огромном доме туалет, и малышка с радостью побежала помогать. А когда мы вернулись в зал, Светлана, Арсений и Демьян уже расселись за столом.

Очень длинным столом, во главе которого сидела, разумеется, драконица.

Ляля уселась между Арсением и бабушкой, мне же осталось место около Демьяна — напротив Арсения.

А вечер переставал быть томным...

Когда я села, Арсений перевёл на меня свой серьёзный пронизывающий взгляд. Этого было достаточно, чтобы уголки рта Светланы Сергеевны подёрнулись в улыбке, а у Демьяна напряглась челюсть.

— Сегодня — первый школьный день моей внучки. Надеюсь, вы не забудете, что это — её праздник.

Ляля тем временем внимательно разглядывала фарфоровых ангелочков в центре стола.

— Ух ты! Можно потрогать?

— Нельзя, солнышко, — улыбнулась бабушка. — Это антиквариат.

— Анти... что?

— Старое и дорогое, — пояснила она.

— Как ты? — невинно уточнила Ляля.

Я чуть не поперхнулась воздухом. Демьян кашлем прикрыл смех.

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.